

Рут Сабертон Сомнения Элли Эндрюс

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6598725
Сомнения Элли Эндрюс: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-082002-3*

Аннотация

Через несколько часов Элли Эндрюс выйдет замуж... или нет? Ее, как и любую женщину, мучают сомнения...

Правильный ли выбор она сделала?

За того ли человека собралась замуж?

А что если завтра она проснется и пожалеет о случившемся?

Невольно Элли вспоминает бывших возлюбленных... Руперт – честный и милый зануда, Джей – первая школьная любовь, Маркус – красивый эгоист...

Неужели она по-прежнему любит кого-то из них?

Содержание

20 августа 2011 года	4
Страдания подружки	9
Непристойное предложение	14
Совершенно посторонний человек	19
Я влюбилась	30
Свидание вслепую	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рут Сабертон

Сомнения Элли Эндрюс

Роман

*Посвящается всем жителям Полперро.
Спасибо за дружбу, поддержку и помощь.
Эта книга – для вас.*

20 августа 2011 года

6.23

Сегодня день обжираловки.

Нет, я не сижу на диване, доедая крошки печенья со дна коробки (потому что всем известно, что кусочки и огрызки не откладываются жиром), не смотрю на свои бедра в зеркале примерочной и не бегу что есть духу покупать утягивающее белье.

Нет, все гораздо хуже: на меня напал страшный жор, хотя еще нет даже половины седьмого утра. Но я уже слопала столько, что хватило бы борцу сумо. Я буквально чувствую, что живот растет с каждой минутой, набухая и растягиваясь, как в «Пришельцах».

В любом случае беспокоиться поздно. Раз уж я начала есть, то с тем же успехом могу продолжать. И кроме того, сегодня мне понадобятся силы. Поэтому, вместо того чтобы включить диск с упражнениями и хорошенько попотеть, я напрягаю мышцы лишь для того, чтобы открыть холодильник и извлечь порцию мороженого. Если я дойду до буфета за ложкой, то сожгу еще немножко калорий, не так ли? О да, я сегодня всерьез намерена худеть.

Честно говоря, с тех пор как мне на палец надели маленькое колечко с бриллиантом, я больше ни о чем не задумывалась.

По крайней мере старалась.

В припадке отчаяния я доедаю остатки пиццы, а вдогонку – тост с «Мармайтом».

Я искренне пообещала себе, что к сегодняшнему дню похудею до восьмого размера и накачаю пресс, как у регбиста. Я намеревалась месяцами сидеть на диете и развить в себе любовь к салатам и утренним пробежкам. Я поклялась, что никогда больше не съем ни кусочка шоколада, а сидение перед телевизором навсегда уйдет в прошлое. Я собиралась приступить завтра же.

Правда, завтра так и не наступило, и вот пришло сегодня – день, который я несколько месяцев назад обвела кружком в календаре. Солнечный августовский день, в который мне предстоит надеть кружевное белье и белое шелковое платье. День, когда по идее я должна выглядеть как супермодель. Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Такое перевоплощение не под силу даже Гарри Поттеру.

Я закрываю глаза. Такое ощущение, что я падаю с крыши. Мы – я и мой любимый человек – несколько месяцев планировали эту свадьбу. Мы виделись почти исключительно в присутствии представителей агентства. Даже не помню, когда у нас в последний раз был по-настоящему безумный секс. Вообще хоть какой-нибудь секс, если уж на то пошло.

Что бы я изменила, если бы могла повернуть время вспять?

6.28

– Доброе утро, Элли, – бодро щебечет моя соседка по квартире и лучшая подруга Саманта, врываясь на кухню. Она взмахивает дредами и заталкивает в тостер четыре внушительных ломтя хлеба. – А ты раненко. Волнуешься?

– Хм...

Такое ощущение, что мои кишки грызет стая пираний.

– А я хотела принести тебе завтрак в постель, – продолжает Саманта, ныряя ложкой в банку с шоколадной пастой. – Как насчет яичницы с копченым лососем? И бокальчика шампанского? Но только совсем чуть-чуть, подружка. Нехорошо, если невеста напьется в стельку.

– Спасибо, обойдусь без завтрака, – отвечаю я, принимая невинный вид. – Иначе не влезу в платье.

– Ты до сих пор на диете? – Сэм морщит нос. – Ей-богу, Элли, я не понимаю, в чем тогда проблема.

– Э... в том, что мне предстоит втиснуть тушу двенадцатого размера в платье восьмого.

Она закатывает глаза:

– Ну ты и дура. Почему было просто не купить платье побольше? Голодать бесполезно.

Она права. Сэм Деламир – воплощенная Диета. Рядом с ней даже Виктория Бэкхем покажется толстушкой.

– И вообще, – продолжает Сэм, толстым слоем намазывая шоколадную пасту на тост, – ты совсем не толстая. По-моему, ты сегодня выглядишь особенно изящно.

– Вот почему. – Я приспускаю штаны, чтобы продемонстрировать гигантские утягивающие трусы. – Не ожидала?

– О Боже! – Шоколад разлетается по всей кухне. – Что это такое? Жуть какая. Только не говори, что собираешься надеть их под свадебное платье! У тебя же кровообращение остановится! На самом деле черт с ним, с кровообращением, неужели ты всерьез думаешь, что у вас ночью что-нибудь получится, если на тебе будет эта хрень? Их же без лома не снять!

Трусы буквально прилипли к телу. Чудо современной инженерии. Да, они просто убийственны, но я проспала в них ночь и готова поклясться, что похудела на размер.

– Это последний писк в области похудения, – с гордостью сообщаю я. – Поддерживающий лифчик и утягивающие трусы в комплекте.

Сэм качает головой:

– Элли Эндрюс, ты чокнулась. Ты выходишь замуж за человека, который тебя обожает. Думаешь, он не в курсе, как ты выглядишь под платьем?

Худые все такие. Они просто не понимают.

– Сегодня я хочу превзойти саму себя, – объясняю я. – Я хочу, чтобы люди смотрели на меня и думали, какая я красивая. По крайней мере что я не хуже сестер.

Сэм вновь закатывает глаза, потому что слышала это уже тысячу раз. Мы познакомились в первом классе женской школы Сент-Хильда, когда прятались под куртками в раздевалке, в отчаянной попытке прогулять урок физкультуры. Любовь к Робби Уильямсу и ненависть к лакроссу сплотили нас. И теперь, спустя годы, мы пополам снимаем домик в Тэпли и спорим, на ком женится Джордж Клуни.

В любом случае не на мне.

Ну и ладно.

– Только не начинай опять, – стонет Сэм. – Твои сестры – ходячие куклы Барби. Не убивайся из-за того, что ты на них не похожа.

Я морщусь. Легко ей говорить. Если бы она выросла с четырьмя сестрами, рядом с которыми любая фотомодель покажется толстой и уродливой, то сама ощутила бы на себе бремя всех съеденных чипсов. Высокие и длинноногие, с роскошной светлой шевелюрой, молочной кожей и фигурой, как песочные часы, мои старшие сестры привлекают общее внимание, куда бы ни пошли, и по праву носят прозвище Красотки Эндрюс. Я, пухлая, веснушчатая и низкорослая, с вьющимися каштановыми волосами, даже не пытаюсь с ними соперничать. Пусть лучше окружающие смотрят на меня как на приятный контраст.

– Больше ни слова о твоих сестрах, – предупреждает Сэм, ставя тарелку в раковину, где уже скопилась гора посуды. – У тебя внутренний мир в тысячу раз богаче, чем у любой из них. Ты веселая и умная... и не толстая! Ты пухленькая и сексуальная. Мужчины обожают таких, как ты.

Я мельком замечаю свое отражение в стеклянной двери кладовки, но, признаться, вижу не то, что описывает Сэм. На меня с сомнением смотрит девушка с растрепанными кудряшками и в бесформенном халате, который полностью скрывает тело. Я не хочу быть веселой, умной, с богатым внутренним миром. Это компенсация для толстых и некрасивых. В конце концов, Кейт Мосс любят не за ум.

Сэм качает головой:

– Ты мне не поверишь, сколько бы я ни повторяла. Давай говори, что родные будут смеяться. А я скажу: ну и хрен с ними. Это твой день, и ты просто обязана извлечь максимум удовольствия! Ты вот-вот выйдешь за человека, который тебя просто боготворит!

Почему мой жених меня любит – одна из величайших загадок бытия. Разумеется, я страшно рада, я прыгала до небес, когда он сделал предложение, но в последнее время начала задумываться, а хорошо ли мы поступаем. В конце концов, свадьба – это не только платье с оборками и фуршет.

– Я надеюсь, что мы поступаем правильно, – нервно говорю я, и пираньи в моем животе вновь принимаются за дело.

– Элли! Очнись! Конечно, правильно. Пожалуйста, иди наверх и начни собираться.

Сэм кладет руки мне на талию и подталкивает к лестнице.

– У нас еще столько дел, пока не приехали визажист, парикмахер и Поппи с цветами. Прими ванну с пузырьками, чтобы расслабиться, а остальное предоставь мне. Я даже открою шампанское, и мы выпьем за последний день твоей вольной жизни.

Последний день моей вольной жизни. О Господи.

Через семь с половиной часов я, как в свое время мои сестры, пойду к алтарю в церкви Святого Иуды в Тэпли. Через восемь часов я буду замужем.

Больше я никогда не смогу лопать тосты в постели и целоваться с кем попало.

Не то чтобы мне хотелось целоваться с кем попало. Но есть тосты в постели – это святое...

– Не пугайся, в плане свадеб тебе хватает опыта, – замечает Сэм, неверно истолковав ужас на моем лице. – Ты, если не ошибаюсь, четыре раза была подружкой невесты?

Как будто человек, которого четыре раза подряд заставляли надевать атласное платье тошнотворного оттенка, способен позабыть о пережитом унижении.

– Вот, хлебни, – приказывает Сэм, протягивая дымящийся бокал шампанского. К сожалению, маникюрша приклеила длиннющие накладные ногти поверх моих родных, обкусанных, и я, как кошка без усов, слабо ориентируюсь в пространстве. Акрил царапает по холодному стеклу, и пальцы сжимают воздух.

Бокал падает на плиточный пол, обдавая мои ступни фонтаном брызг и осколков.

Я в ужасе смотрю на пол. Эти бокалы были свадебным подарком, и теперь остался только один. Плохой знак?...

– Блин, ну конечно, нет! – саркастически замечает Сэм, когда я делюсь с ней сомнениями. – Держись, Элли, ничего страшного не случится. Торжественно клянусь, что я как главная подружка невесты все буду держать под контролем, поэтому можешь расслабиться.

Я бы спокойнее чувствовала себя на раскаленных углях. Мой опыт по части свадеб не назовешь положительным. Моя собственная свадьба – воплощенное торжество надежды над опытом.

– Дай сюда, – говорю я, выхватывая у подруги бутылку. – Мне нужно выпить.

Сэм смеется, но ее зеленые глаза полны тревоги.

Поднимаясь по лестнице и потягивая шампанское из горлышка, я понимаю, что если бы не Сэм, то, возможно, я бы вообще не стала невестой. Жизнь могла обернуться совершенно иначе.

Я закрываю дверь в спальню, прислоняюсь лбом к холодным доскам и зажмуриваюсь. События, предшествовавшие этому дню, мелькают в голове, точь-в-точь неотредактированное домашнее видео. Правильный ли выбор я сделала? За того ли человека собралась замуж? А что, если завтра я проснусь и пожалею о случившемся?

О Господи, Господи, Господи.

Дыши, Элли, дыши глубже.

Еще нет семи. Стоит прекрасное утро, поют птички. До выхода несколько часов.

Уйма времени, если я вдруг решу передумать.

Нет, я не собираюсь передумывать. Просто нервы расшалились. Я ничуть не больше, чем любая другая невеста, сомневаюсь, стоит ли мне выходить замуж. Всякая девушка в день свадьбы немного нервничает. Вполне естественно слегка тревожиться, потому что свадьба – едва ли не самое важное и ответственное событие. Я выбираю мужчину, с которым намерена провести остаток дней. На кону – моя жизнь. Было бы странно, если бы я не нервничала.

Пиранья в животе – абсолютно нормальное ощущение, и от него есть лекарство. Слава Богу, Сэм откупила шампанское. Несколько глотков – и нервы успокоятся...

6.55

Дверь закрыта, треть бутылки – в желудке, и я начинаю понемногу расслабляться. Сидя на постели, я делаю вид, что это обычное воскресное утро. Сейчас я побреду вниз, где меня ждут бутерброд с беконом и детский канал, потом пройду по магазинам с Поппи и съем ленч в пабе «Рыбак». Сила воображения такова, что я уже предвкушаю начо с сыром и бокал ледяного «Шардоне»... и тут замечаю свадебное платье, которое висит на дверце шкафа. Сердце вновь начинает колотиться.

О Господи. Ну да, так и есть. Я выхожу замуж, ей-богу, замуж. В эту самую минуту наши родственники едут в Тэпли-на-Темзе с подарками из длинного списка, который мы составили. Я, словно во сне, согласилась, что невозможно жить без ультрасовременного пылесоса «Дайсон» и машинки для изготовления пасты, хотя на самом деле прекрасно обхожусь стареньким «Хувером» и консервированными спагетти.

Меж лопаток у меня выступает пот. О чем я думала, добавляя в виш-лист машинку для изготовления пасты? До сих пор я никогда не испытывала желания готовить пасту, неужели что-то изменится в будущем?

О да. Всё. Мои сестры, выйдя замуж, превратились из любительниц вечеринок и коктейлей в домашних богинь, по сравнению с которыми даже Найджела выглядит неряхой¹. После свадьбы и званых ужинов наступал черед младенцев и бесконечных разговоров о первых зубах и первых шагах, потом начиналась нервотрепка из-за детских садов и школ...

¹ Имеется в виду Найджела Лоусон – британская журналистка, автор популярных кулинарных книг и ведущая теле-

Мне становится дурно. Я не хочу ребенка. Я еще недостаточно взрослая, чтобы нести такую ответственность, и не знаю, с чего начать. И к тому же я слишком безответственная. Когда настала моя очередь взять к себе домой палочника из школьного живого уголка, он умер. Правда, мне тогда было всего пять, и я не знала, что ему вредно купаться, но с тех пор я ничуть не изменилась. Одному Богу известно, какой вред я могу причинить невинному младенцу.

Я покусываю новенький акриловый ноготь. Все валится из рук. Я никогда не хотела пышной церемонии и длиннющего списка гостей. Свадьба живет собственной жизнью, и, хотя моя мать мечтала именно о таком торжестве, у меня каждый час приступ паники. Мне не нужны шесть подружек, специальная девочка, которая будет держать кольца, и званый ужин из пяти блюд.

Я отхлебываю еще шампанского, и пузыри идут носом. Я закашливаюсь. Прекрасно. Я так волнуюсь, что даже пить не в состоянии.

Отставив шампанское, я плюхаюсь на кровать и взвизгиваю от боли, встретившись головой с чем-то твердым. Быстро вскочив, я обнаруживаю, что ударилась черепом о свадебный альбом сестры, который та одолжила в качестве блистательного доказательства талантов фотографа. Альбом толще «Войны и мира», с латунными уголками и огромным замком, как на пиратском сундуке с сокровищами. Именно этот замок и оставил свой отпечаток у меня на затылке.

Может быть, отложить свадьбу в связи с черепно-мозговой травмой?

Я беру тяжелый альбом, и он раскрывается на одной из общих фотографий. Под гофрированной бумагой – картина, навеки запечатлевшаяся в моей памяти. Притом не в хорошем смысле. Сестра Аннабель улыбается в объектив – огромные синие глаза, золотые локоны, изящные руки сжимают розовый букет, впереди стоят маленькие цветочницы в атласных туфельках. По бокам счастливой четы – родители. Но мой взгляд прикован к краснощекой девице в тесном персиковом платье, которая тщетно старается прикрыть букетом огромное декольте и спрятаться за спинами гостей.

Я печально качаю головой. Кажется, я и тогда пыталась сесть на диету. Как грустно. Я листаю альбом, останавливаюсь на одной из фотографий званого ужина и обвожу красивое лицо пальцем. Меня переполняют сожаления. Если вернуть время вспять, что я изменила бы? Может быть, я сделала бы совсем другой выбор?

Я живо вспоминаю свадьбу сестры. Хотя она и состоялась два года назад, я до сих пор страдаю от посттравматического стресса. Каждый раз, когда я пытаюсь понять, в какой именно момент моя жизнь полетела под откос, на ум приходит свадьба Аннабель. Не то чтобы до тех пор я возлежала исключительно на розах. Честно говоря, мое существование больше напоминало заброшенный пустырь с сорняками и ржавыми жестянками, но по крайней мере это были мои сорняки и мои жестянки.

На свой лад я даже радовалась жизни. Каким же образом все так изменилось?

Захлопнув альбом и стараясь не смотреть на собственный роскошный свадебный наряд, я вспоминаю тот удушливо жаркий июньский день, когда я, зятая в персиковый атлас и похожая на хрюшку в платье, готовилась следовать за сестрой к алтарю...

Страдания подружки

– Я похожа на снеговика! – восклицаю я, кружась перед зеркалом и морщась. Персиковый атлас беспощаден, он ничего не скрывает. Я не виновата, что напоминаю сардельку, которая вот-вот лопнет.

Аннабель морщит безупречный носик.

– Если не ошибаюсь, ты собиралась к сегодняшнему дню сбросить вес?

Я дергаю ткань, которая буквально трещит на груди. Такое декольте больше подходит порнозвезде, а не скромной подружке невесты.

– Ты уверена, что портниха правильно сняла мерки?

– Моя портниха все делает правильно! – огрызается Аннабель. – Проблема не в ней, а в тебе! К счастью, никто на тебя смотреть не будет. Гости придут, чтобы посмотреть на меня.

Невесты выбирают платье для подружек с таким расчетом, чтобы на их фоне выглядеть еще лучше. Это факт. Иначе с какой стати нормальной женщине наряжать своих взрослых приятельниц и сестер в тошнотворные пастельные тона и обшивать оборками, совершенно как на бабушкиных кальсонах? Аннабель и не скрывает намерений. Как любая невеста, она придерживается священной заповеди: «У подружки непременно задница должна быть больше, чем у тебя». Чтобы это подчеркнуть, она вдобавок украсила мою корму здоровенным бантом.

Я как никакая другая двадцатисемилетняя женщина в курсе неприглядных свадебных истин, поскольку свадьба Аннабель – четвертая по счету, на которой я исполняю обязанности подружки невесты. Такую цену приходится платить, если у тебя четыре старших сестры. Как будто недостаточно того, что меня с рождения тиранили и мучили. Ей-богу, семейные торжества – современный эквивалент насильственной вербовки. Только что ты счастливо жила собственной жизнью, ходила на работу, несчастливо влюблялась и в стельку напивалась по выходным, и вдруг тебя похищают и заставляют примерять платье, краситься и репетировать торжественный выход. Сначала ты часами играешь роль живой подушечки для иголок, а в результате получаешь платье, в котором даже в гроб не захочешь лечь.

Свадьбы – это ад. Белый и кружевной. Особенно если под твоим надзором три упрямых девицы и мальчик, который занят исключительно раскопками в собственном носу.

– Прекрати сейчас же, ты, мелкое чудовище! – Я выдергиваю палец племянника из ноздри. А потом отработанным движением четырехкратной подружки невесты одновременно оправляю задранный выше головы подол Имоджин и вытаскиваю розы изо рта Лоры. Полные слез детские глаза смотрят на меня с упреком, губы дрожат, но мое сердце ожесточилось после многочасовых репетиций, поэтому я приковываю сопляков к месту ледяным взглядом. Впрочем, в душе мне хочется броситься на пол и закатить старую добрую истерику.

– Господи, Элли! – кричит Аннабель. – Ты что, не можешь с ними справиться?!

Она яростно смотрит на меня из-под белоснежной вуали. Сегодня ее звездный час, и сестра уж постарается, чтобы мы об этом не забыли. Стоит прекрасный летний день, и исполняется величайшая мечта Аннабель Эндрюс. Она долгие годы разыгрывала воображаемые свадьбы, стригла моих Барби и заставляла их исполнять роль жениха; потом месяцами мерила все свадебные платья в Лондоне, не пропуская ни одного, и довела семью до грани нервного срыва. И вот наконец последняя старшая сестра выходит замуж.

Какой там феминизм! Я наблюдаю, как Аннабель млеет над списком свадебных гостей, и понимаю, что сексуальная революция произошла с кем угодно, но только не с ней. Чем скорее она выйдет замуж, бросит работу в художественной галерее и побежит с мужниным бумажником в магазин, тем счастливее будет.

А чем скорее закончится свадьба, тем счастливее буду я. Тогда я съем хот-дог, а может быть, даже биг-мак, не оглядываясь через плечо.

В церкви Аннабель окончательно перевоплощается в примадонну.

– Вуаль не завернулась? – Она слегка склоняет голову, пока я послушно оправляю вуаль, чувствуя себя чернокожей Мамушкой, которая сопровождает Скарлетт на бал. – Марка еще нет?

– Наоборот, это мы опоздали, – бормочу я сквозь стиснутые зубы. Аннабель велела шоферу три раза объехать квартал, чтобы журналисты из «Дейли мейл» наверняка успели прибыть на место событий. Четвертая Красотка Эндрюс выходит замуж, и свадьба непременно попадет в колонку светских новостей. Моя сестра твердо намерена получить столько внимания, сколько ей удастся загрести своими наманикюренными лапками.

– Господи, Элли, ну почему ты не села на диету? – Аннабель критически обзревает меня. – Пожалуйста, встань позади детей, когда будем фотографироваться.

Орган оглушительно играет «Аве Мария», и я удерживаюсь от желания засунуть ей в рот носок лишь потому, что напоминаю себе: мне не семь, а двадцать семь. Аннабель умеет ударить по больному месту. Однажды, например, она от моего имени зарегистрировалась на сайте знакомств («Для тебя это единственный способ подцепить хоть какого-нибудь мужчину!») и изо всех сил убеждала меня пойти на свидание с неким Стивом из Беркшира, чьим хобби было считать товарные вагоны и наблюдать за птичками.

Прикусив язык и в очередной раз вспомнив, что всего через два часа я смогу налакаться дармовой выпивкой, я усилием воли заставляю себя следовать по проходу за розовой задницей Аннабель, старательно не думая о собственных филейных частях. Впрочем, в мою сторону не обращен ни один взгляд – как и предсказала Аннабель. И так всю жизнь.

– Готовы? – спрашивает священник.

Аннабель медленно кивает, чтобы не растрепать при-ческу.

– Прекрасно! – Он поворачивается ко мне. – Когда поправите шлейф, дорогая, подайте невесте знак.

– Любой знак? – с надеждой спрашиваю я. Можно, например, показать сестрице шиш?

Викарий подмигивает из-под очков. После двух мучительно долгих репетиций, после того как пришлось перекрашивать церковное крыльцо в тон свадебному платью Аннабель, после того как он чуть не сломал шею, споткнувшись о ее бесконечный шлейф... в общем, теперь он сыт моей сестрой по горло и, возможно, сам не прочь сделать пару непристойных жестов.

– Лишь бы он был вежливым, – отвечает священник, к моему огромному разочарованию.

С тоской одергивая и распрямляя громадный шлейф, я решаю, что уже хватит. Ну вот, теперь выглядит гораздо лучше. Во всяком случае, насколько может хорошо выглядеть нечто, напоминающее гигантский размотанный рулон туалетной бумаги. Показав сестре оттопыренный большой палец и подтолкнув вперед девочек-цветочниц, мы процессией, нестерпимо медленно, движемся вперед к алтарю. Аннабель туманно улыбается прихожанам, чудесным образом превращаясь из Аттилы-завоевателя в куклу Барби.

Церковь набита битком, свадебные гости в шляпах и накрахмаленных костюмах сидят впритирку на всех скамьях, вытягивая шеи, чтобы получше разглядеть невесту. Два первых ряда скамей слева оставлены для родственников, уже привычных к подобным торжествам. Ей-богу, неудивительно, что редкие папины волосы поседели. Четыре пышных свадьбы обошлись в такую сумму, которая способна покрыть национальный долг. Одних розовых букетов куплено столько, что на эти деньги я могла бы погасить кредит в банке.

К сожалению, в прошлом году, когда замуж выходила Эмили, мама превзошла саму себя. Гости согласились, что свадьба по размаху была достойна королевской семьи; отец

мрачно буркнул, что лично ему нужен королевский доход, чтобы, черт возьми, за это заплатить. Он добавил, что хотел бы быть королем Генрихом VIII – тогда бы он оттяпал маме голову сразу после рождения первой дочери. Мы все рассмеялись, кроме бедного папы. В любом случае сейчас уже слишком поздно, образец задан. Каждая последующая свадьба обязана быть не хуже предыдущей, а в идеале – превосходить ее.

Что ж, пускай папа расслабится, потому что я в любом случае не намерена следовать примеру Аннабель. В моей жизни и так хватает стресса, и я не намерена добавлять в протяженный список дел еще и стирку чужого грязного белья и мытье посуды. У меня нет ровным счетом никакого желания искать свою так называемую половинку, топтать к алтарю и почитать на лаврах. Я свободна и счастлива.

По крайней мере буду счастлива, как только стану свободна. Но это уже другая история.

Мы черепашьям шагом тащимся по проходу. Когда толпа цветочниц и мальчиков наконец подтягивается к алтарю, прихожане начинают почтительно шикать друг на друга. Наступает торжественная минута, когда мама подносит к глазам платочек, стараясь не размазать тушь, которую с таким трудом нанес визажист. Мой племянник пытается задрать девочкам юбки. Я бросаю на него яростный взгляд и провожу пальцем по горлу. Сейчас точно не время играть во врача и медсестру.

– Элли! – шипит Аннабель, тыча в мою сторону огромным букетом, так что я чуть не задыхаюсь от пыльцы. – Шлейф!

Я поспешно привожу километр шелка и кружев в некоторое подобие порядка и загоняю детей на скамью. Подмышки платья самым неприятным образом начинают намочить от пота.

Положив букет рядом с Имоджин, я выпускаю вздох облегчения. Еще один пункт долой из мысленного списка. Скоро я наемся канапе и залью их дармовым алкоголем. Семейные торжества у Эндрюсов имеют несомненные достоинства. Нужно лишь следить, чтобы спиногрызы не поубивали друг друга, да пропеть несколько гимнов. Я присаживаюсь на скамью, даю отдых бедным усталым ножкам и ненадолго расслабляюсь. Жизнь как-то сразу становится приятнее.

Потом я ловлю взгляд шафера, Руперта Мура-Критчена, который, улыбаясь, сентиментально смотрит в мою сторону своими шоколадными глазами. Я оборачиваюсь, пытаюсь понять, кому из Красоток Эндрюс предназначен этот сладкий взгляд, но позади сидит только тетушка Этель, игриво выставив напоказ вставные зубы.

Я чувствую тревожный холодок. Руперт смотрит на меня. О Господи. Не к добру.

Впрочем, ничего удивительного, он же мой бойфренд. Ну... в том смысле слова, что мы иногда ходим в кино, худо-бедно ужинаем при свечах и целуемся. По крайней мере так ситуация выглядит с моей стороны. У нас все не настолько серьезно, чтобы придумывать имена будущим детям. Но к сожалению, в последнее время у меня появилось неприятное ощущение, что Руперт смотрит на наши отношения далеко не так легкомысленно. Не нужно быть ясновидящей, чтобы догадаться, что значат романтические открытки и букеты. Я уже знаю по имени рассыльного от флориста.

Стоя у алтаря, Руперт действительно кажется красавцем в стиле Хью Гранта (он тоже в очках и нервничает), и я буквально жду, что сейчас влетит Энди Макдауэл в огромной шляпе и он в нее немедленно влюбится. Честно говоря, я только порадуюсь, потому что Руперт не только мой бойфренд, но еще и босс. Не самая удачная комбинация, если я всерьез намерена с ним порвать. Сидеть за компьютером в адвокатской конторе – не самое интеллектуальное занятие, но по крайней мере хватает, чтобы платить за жилье.

Бедняга Руперт. Он ведь не сделал ничего дурного. Он идеален. Карьера барристера, небольшой потрепанный домик в Марлоу. И моя мать его обожает. Она, правда, не понимает, что он во мне нашел (ну разумеется!), но искренне полагает, что я должна хватать первого же подвернувшегося приличного мужчину. Честно говоря, нехорошо пудрить мозги бедному

Руперту только потому, что тогда мама оставит меня в покое. Тем не менее отчасти она права. Руперт безупречен. За одним лишь исключением.

Он мне разонравился.

Жизнь несправедлива.

Когда я встаю, чтобы вместе с остальными спеть «Прекрасные создания», мысли в моей голове продолжают бороться, как Дарт Вейдер и Люк Скайуокер в финале «Звездных войн». Проблема в том, что я страшная трусиха, слишком слабовольная, чтобы думать о собственном благе (да и о чем-нибудь еще). Моя чувствительность – отнюдь не достоинство, когда речь заходит о том, чтобы отшить парня. Я славлюсь ужасной привычкой затягивать выяснение отношений надолго, поэтому мои предыдущие парни в конце концов брали дело в свои руки. Но сейчас, глядя в оленьи глаза Руперта, я понимаю, что, кажется, его устраивает нынешнее положение вещей...

Больше я не могу оттягивать. Придется поговорить с ним сегодня же. Это будет только честно. Я скажу, что нам лучше остаться друзьями, что дело исключительно во мне, и так далее. Надеюсь, Руперт не убьет меня на месте.

Как только я принимаю это решение, свадебная церемония превращается в сплошной туман, а главную партию ведет внутренний голос, полный упреков. Одному Богу ведомо, каким чудом я умудряюсь улыбаться в объектив, в то время как мои внутренности буквально скручиваются в клубок от уколов совести. Почему у меня всегда сплошные сложности? Почему другие женщины с такой тошнотворной легкостью обретают счастье? Наверное, Бог хочет, чтобы я стала монашкой. Тогда жизнь уж точно упростится, а мешковатая ряса покроет множество грехов. Карабкаясь в «роллс-ройс», я уже почти убеждена, что удалиться от мира – это идеальное решение.

– Какашка! – радостно возглашает Имоджин. – Ка-кашка!

Не так-то легко не обращать внимания на четырехлетнего ребенка, особенно наделенного самыми характерными семейными чертами.

– Какашка! – снова кричит Имоджин, и машину наполняет отвратительный запах. – Тетя Элли, ты наступила на какашку!

Блин. Точно.

Я с отвращением сбрасываю туфли, открываю окно и, приняв весьма оригинальное решение, выбрасываю их из машины. К сожалению, мы едем по главной улице Тэпли, мимо паба «Рыбак», который в ясные летние дни торгует как бешеный. На обширной, опаленной солнцем лужайке толпятся люди с бокалами. Они наслаждаются солнцем и никому не мешают.

И тут судьба в очередной раз решает повернуться ко мне задом.

В ту самую секунду, когда я выбрасываю туфли из окна, «роллс-ройс» резко тормозит, чтобы не задавить очаровательных утят, которые шагают через дорогу, направляясь к Темзе. Мои туфли описывают изящную дугу и с необыкновенной точностью (где она была на уроках физкультуры?) приземляются на колени какого-то злополучного мужчины. Сначала он замирает и в ужасе смотрит на неожиданный подарок, а потом до него постепенно доходит, что случилось. Он поворачивается в сторону дороги.

Я чувствую, как кровь приливает к лицу.

– Жми на газ! Давай! – кричу я шоферу, наблюдая, как моя жертва беззвучно шевелит губами. Я прекрасно представляю, что именно он говорит, и мне становится дурно. Господи, сделай так, чтобы костюм, который на нем надет, был не от-кутюр.

А самое неприятное, что этот тип действительно очень красив – в обычной ситуации я бы полжизни отдала, чтобы с ним познакомиться. Но только не сегодня, когда я похожа на рулон туалетной бумаги и только что вышвырнула из машины измазанные в дерьме туфли.

Вот тебе и романтическая история.

Шофер послушно вжимает в пол педаль газа, словно репетируя для съемок «Закона и порядка», и «роллс-ройс» уносится вдаль под визг покрышек. Мои юные подопечные радостно воют, откинувшись на подушки, и под юбкой Имоджин расплывается мокрое пятно.

Непристойное предложение

Торжественный обед в честь Аннабель проходит дома у родителей, и слава Богу, потому что я непременно сбегаю в свою старую спальню и найду старые сапоги от «Док Мартенс», которые можно надеть под этот персиковый ужас.

В салоне «роллс-ройса» пахнет уже не столько фиалковым освежителем, сколько мочой. Машина со скрежетом останавливается на гравиевой дорожке перед домом. Гости уже собираются. У родителей здоровенный дом в тюдоровском стиле, задним фасадом обращенный к Темзе. Целые акры гладких, как бархат, лужаек спускаются к сверкающей воде. Сегодня на газоне воздвигнут огромный навес, а фруктовые деревья украшены белыми фонариками и ленточками. Официантки снуют в толпе, разнося шампанское. Стоя под увитой розами аркой, Аннабель и Марк принимают поздравления от бесконечной очереди гостей, а в теплом воздухе реет музыка Вивальди. Идеальная обстановка для идеальной свадьбы.

Главное, не напиться мертвецки и не испортить сестре звездный день.

– Бабушка! Тетя Элли выбросила туфли из машины! – кричит Имоджин, выскакивая из салона.

Мама отстраняет ее вытянутой рукой. Моча и духи смешиваются самым неприятным образом.

– Элли сделала что? – уточняет она.

– Дети, дети! – Я смеюсь, одновременно окидывая племянницу взглядом, который ясно говорит: больше никакого мороженого, подарков на Рождество и сказок на ночь, если она проболтается бабушке. – Что за выдумки?!

Но мама переводит взгляд с внучки на подол моего платья, из-под которого торчат босые ноги, и устало вздыхает:

– Элеонора, я понятия не имею, что там случилось, и, честно говоря, не желаю знать. Зайди в дом, умойся и обуйся. Мы сейчас будем фотографироваться, и я хочу, чтобы вы с Рупертом хорошо вышли. Смотри, вон Руперт, и он тебе машет! Пожалуйста, ступай к нему.

Мама и в лучшие времена не в состоянии удержаться в разговоре на одной теме, но стоит ей заговорить о Руперте, как она просто удержу не знает. Наверное, сейчас не самое подходящее время, чтобы объявлять, что все кончено. Она уже представляет себе объявления о нашем бракосочетании. В последние годы мама с маниакальной настойчивостью пытается спихнуть меня замуж. Точно так же она направо и налево сватала Аннабель. Хотя Марк очень мил, я не уверена, что этот брак заключен на небесах. У них нет ничего общего. Впрочем, мама ни капельки не переживает. Однажды я подслушала, как она сказала папе, что теперь у нее одной проблемой меньше.

К счастью, я избавлена от лекции о святом Руперте: ведущая объявляет, что свадебный обед вот-вот начнется. Взяв бокал шампанского, я удираю, зная, что мама будет с увлечением исполнять роль «матери невесты» как минимум еще пять часов, а стало быть, я вольна тем временем мертвецки напиться. Уплетая миниатюрный йоркширский пудинг, я чувствую прилив сил. Жизнь понемногу налаживается. Бесплатные еда и выпивка. Чего еще требовать?

– Блин, Элли, ну у тебя и вид! – Рядом появляется стройная фигурка, балансируя двумя бокалами с шампанским и подносом с бутербродами. – Ты была права, ты в этом платье похожа на сосиску.

На Сэм, как обычно, нечто с массой кисточек и бубенчиков. Тоненькие пальцы до костяшек унизаны серебряными кольцами, в носу «гвоздик» с бриллиантом, в губе два колечка, на подбородке свежий пирсинг. Я удивляюсь, что она вообще пришла, потому что

Сэм не только заправляет «Синей луной» – хипповским магазинчиком, – но еще и возглавляет крупную кампанию по борьбе с обходной железной дорогой, которую намерены проложить через близлежащий лес.

– А я думала, ты слишком занята, чтобы успеть на свадьбу, – говорю я, когда мы чокаемся. – А вдруг кто-нибудь пригонит бульдозер, пока ты тут распиваешь шампанское с капиталистическими свиньями?

– Мад вместо меня, – беззаботно отмахивается Сэм, в общем-то не отвечая на мой вопрос. Когда дело касается ее бойфренда Мада, лохматого и вечно невымытого, мне на ум приходят только слова «пиво» и «пьянка». Подрядчикам достаточно будет скатать для Мада косячок, и тогда он откует себя от решетки и накурится до бессознательного состояния, позволив бульдозерам терзать тысячелетний лес. И все-таки я ничего не говорю Сэм. Любовь слепа, как известно.

Хотя в случае с Мадом нужно прибавить, что она также лишена и обоняния.

Сэм морщится:

– Хотя я и обожаю твою очаровательную сестру, у меня был иной повод прийти. Ваши гости – тори, сукины дети, – это именно те люди, которые охотно пустят под нож старый лес, чтобы сократить себе дорогу на работу. Я решила возвестить им слово истины и пробудить хоть в ком-нибудь чувство социальной ответственности.

Я замечаю, что сумка у Сэм на плече набита листовками, на которых ярко-зелеными буквами напечатано «Спасите Этти-Вудс!». Родителей хватит удар, если Сэм устроит на свадьбе Аннабель марш протеста. И кроме того, папа ждет не дождется, когда же дорога в Лондон сократится на десять минут. Он часто бормочет, что сам порубил бы чертовы деревья и заставил всех бездельников-хиппи заняться делом. Он даже писал жалобы нашему местному депутату, но, наверное, не время рассказывать об этом Сэм.

– Мне так нужна помощь! – продолжает она, садясь на своего любимого конька. – Люди страшно невежественны. Разве они не понимают, что леса – это легкие планеты? Представляешь, какой-то уродский застройщик скупил луга по обе стороны леса и пытается вчинить нам иск за то, что мы ходим по его земле! Когда я узнаю, кто он такой, уж я ему выскажу все, что думаю. Нас так просто не остановишь!

Она багровеет от ярости. Опыт подсказывает, что, если не отвлечь Сэм немедленно, она устроит скандал по полной программе. Не исключено, что сначала она наорет на мою мать за то, что та не подает к столу экологически чистого тунца с органическим вином, а потом прочитает нотацию папе за то, что он бездумно тратит электричество, развешивая на деревьях фонарики и устанавливая в саду обогреватели.

Я люблю Сэм, как она есть, но иногда ее экологические заморочки утомляют.

– Выпей еще, – говорю я, быстро схватывая с подноса два новых бокала. – У меня уже второй, и жизнь начинает налаживаться.

– Главное, не напейся до соплей, – предупреждает она. – Как на выпускном.

– Это было сто лет назад, – поспешно отвечаю я.

И почему друзья всегда помнят самые неприятные моменты? Да, да, надраться дешевым сидром и рухнуть лицом в выпускной торт – не лучшее событие моей биографии, но, честно говоря, у меня имелись все причины.

– Да, давненько, – соглашается Сэм, – но у тебя до сих пор зуб на моего братца. Эл, прошло одиннадцать лет. Пора уже забыть.

Проще сказать, чем сделать. Сомневаюсь, что хоть какая-нибудь девушка способна простить гада, который публично унизил ее на выпускном балу в школе. До сих пор я вспыхиваю от стыда, когда вспоминаю, какой дурой выглядела.

В пятнадцать лет я решила, что непременно выйду замуж за Дджея, старшего брата Сэм. Я позабыла мистера Тэйлора – учителя физкультуры, Робби Уильямса и остальных; на

сей раз я влюбилась всерьез. Несколько месяцев я украшала тетрадки надписями «Джейсон Деламир любит Элеонору Эндрюс», отчаянно высчитывала, на сколько процентов мы подходим друг другу, и училась подписываться «Элли Деламир», просто пробы ради. Я даже начала ходить на матчи юниорской команды по регби, в тщетной надежде, что Джей, возможно, заметит, как я машу, стоя на боковой линии. Но этому не суждено было случиться. Джей встречался с красотками из группы поддержки – высокими и стильными, без веснушек, без скобок на зубах, – а я раз за разом слушала песню из «Титаника» и плакала по ночам в подушку. Моя назойливость наверняка бесила Джея, но в любом случае нет оправдания тому, что он сделал, чтобы отвязаться от меня.

– Он не понимал, что у тебя серьезные чувства, – замечает Сэм в миллионный раз. – Когда ты пригласила его на выпускной бал, он решил, что ты просто шутишь. Он согласился шутки ради...

– Да, конечно, – бормочу я.

Разумеется, Джей знал, что я не шутила. Он готовился несколько недель и даже согласился надеть галстук-бабочку в тон моему синему платью – и все ради того, чтобы навсегда со мной развязаться. Его мерзкие дружки тоже участвовали в затее – они даже выпросили у меня деньги, якобы чтобы взять напрокат лимузин. Но делиться этой подробностью с Сэм слишком стыдно. Я и так чувствую себя полной идиоткой из-за того, что ее брат подложил мне такую свинью. Не хватало еще признаваться, что меня одурачили и приятели Джея.

– Я ведь пыталась предупредить, что он не всерьез! Дружки бы его засмеяли, если бы он пошел на бал с тобой.

– Я была не такой уж уродиной! – возражаю я.

– Конечно, нет, но все мальчишки в этом возрасте страшные придурки. Их волнует только мнение друзей. Перестань наконец переживать из-за того, что мой брат тебя подставил, – советует Сэм. – Долго злиться вредно для кармы.

К черту карму, думаю я, прихлебывая шампанское. Если бы Сэм в самый важный для подростка вечер пришлось торчать в роскошном платье на крыльце в ожидании кавалера, который так и не явился, она бы, наверное, тоже злилась. Рассуждая логически, я понимаю, что нелепо лезть на стенку столько лет, но, боюсь, я никогда не оправлюсь от пережитого унижения. Я ждала Джея, пока не стало ясно, что он не приедет. В конце концов в ресторан меня отвез отец, я вошла в зал одна, и все мои так называемые друзья надо мной потешались. «Ну и где твой красавчик?» – смеялись они. Наверное, я заслужила эти насмешки, поскольку несколько недель хвасталась, что приду на бал с Джейем. Но последней каплей стало то, что он увивался вокруг Арабеллы Элиот, светловолосой длинноногой худышки.

– Это она? – фыркнула Арабелла, когда я потребовала объяснений. Джей и его дружки расхохотались, и я сбежала. В слезах я присосалась к фляжке с контрабандным сидром и быстро напилась до полного безобразия. Для меня вечер закончился тем, что я танцевала на фуршетном столе, громко признаваясь в неразделенной любви к Джейю, пока не рухнула лицом в праздничный торт.

С чего я, Уродина Эндрюс, решила, что вообще могу мечтать о большой любви? Прошло двенадцать лет, я похожа на сосиску в платье и не чувствую, чтобы что-то особо изменилось.

Теперь Джей из кожи вон лезет, стараясь быть со мной полюбезнее, и иногда это еще унижительнее. В последний раз, когда он приехал к Сэм в гости, то пригласил меня на ужин. Очень мило, но с опозданием примерно на десять лет. Разумеется, я отказалась; какая девушка захочет, чтобы ее приглашали в ресторан из милости? Я испытала большое облегчение, когда год назад он получил постоянную работу в Штатах в качестве дизайнера. Несколько тысяч миль – достаточно большое расстояние, чтобы я наконец позабыла мучительный эпизод из своего прошлого.

Что очень трудно при наличии таких подруг, как Сэм, которые всегда охотно напомнят. Она энергично отмахивается.

– Только не говори, что до сих пор злишься! – Сэм понижает голос и кивает в сторону Руперта. – К тому же у тебя здесь горячий поклонник. По-моему, мне скоро придется искать новую соседку.

Я уже собираюсь объяснить, как обстоят у нас дела с Рупертом, когда ведущая загоняет всех гостей под навес, на свои места. Я решаю поговорить с Сэм позже и плюхаюсь за стол, проклиная человека, который придумал, что подружка невесты и шафер должны сидеть вместе. Руперт будет тискать мою руку под столом и скармливать мне кусочки со своей тарелки, пока я мысленно читаю панихиду по нашим отношениям. Я уже готова перебраться к Имоджин, но зрелище пузырей, которые она выдувает, – это слишком даже для такой опытной тетки, как я. Единственный способ пережить следующие несколько часов – хорошенько напиться.

Как только гости рассаживаются, Руперт стучит ножом по бокалу, и воцаряется тишина. Он откашливается и отводит со лба растрепанную белокурую прядь. На него устремлены все взгляды. Мама многозначительно смотрит на меня, и даже Сэм сентиментально улыбается. Я, наверное, раздражена сильнее, чем кажется, потому что ощущаю приступ настоящей паранойи: такое чувство, что люди вокруг в сговоре, о котором я не имею понятия. Почему бы не приступить к угощению? Если я не поем в ближайшее время, то просто упаду.

– Дамы, господа, дети, – начинает Руперт, явно волнуясь. – Прошу прощения за неожиданную паузу – я вижу, что вам не терпится приступить к замечательному угощению, за которое мы должны поблагодарить мистера и миссис Эндрюс, и как адвокат я подтверждаю, что вы имеете такое право.

Слышится вежливый смешок. Я тайком зеваю. От спиртного меня клонит в сон, и я надеюсь, что Руперт не затянет надолго. Надо поскорее набить живот, если я хочу продержаться до конца.

– Я исполнен уважения и восхищения Марком и Аннабель, которые сегодня заключили брачный союз, – продолжает Руперт. – И, будучи шафером, я всерьез задумался о союзе, который хочу заключить сам...

Он делает драматическую паузу, и гости заинтересованно шепчутся. «Ну же, закругляйся», – нетерпеливо думаю я, отводя глаза от бокала и встречаясь с шоколадным взглядом Руперта. Точь-в-точь таким же, как и в церкви, только в десять раз сентиментальнее. Что на него нашло?

Я замечаю злорадную мамину улыбку, тревожные морщинки на лбу у папы и радостное лицо Сэм, и у меня начинает кружиться голова.

– Мы с Элли встречаемся уже довольно давно, – говорит Руперт улыбаясь. – И никто не удивится, если сегодня еще два человека решат соединить свои жизни. По-моему, сейчас самая подходящая минута, чтобы сказать Элли одну вещь, о которой я думаю уже давно.

Каждую субботу я не отрываясь смотрю по телевизору лотерею, тщетно пытаюсь угадать выигрышные шары, но именно теперь, в летней духоте под навесом, меня вдруг посещает озарение, которому позавидует иной ясновидец. Я прекрасно понимаю, что именно собирается сказать Руперт, еще до того как он успеваешь выйти из-за стола и встать на одно колено. Судя по восхищенным лицам гостей, они тоже догадались.

Руперт лезет в жилетный карман, достает маленькую коробочку и медленно открывает. На бархатной подушечке лежит кольцо с огромным бриллиантом. Камень сверкает и как будто подмигивает.

Внезапно голод исчезает. Более того, я чувствую тошноту.

– Элли, – говорит Руперт и стискивает мою холодную потную руку, – ты выйдешь за меня замуж?

Совершенно посторонний человек

«Главным светским событием минувших выходных стала свадьба Аннабель Эндрюс и Марка Роксворта. Марк, сын лорда Роксворта, работает в городском банке “Милуорд сэвилл”, а Аннабель – четвертая из Красоток Эндрюс и внучка сэра Генри Эндрюса, баронета. Тем не менее кульминацией свадьбы стали не брачные торжества, а драматическое предложение руки и сердца, которое барристер Руперт Мур-Критчен сделал Элеоноре Эндрюс. Ответом стал публичный отказ, и празднество продолжилось в отсутствие шафера и главной подружки невесты. У младшей Эндрюс есть характер! С нетерпением ждем ее следующего шага».

Я со стоном отбрасываю «Дейли мейл». Аннабель меня убьет. Она не потерпит подобного равнодушия к собственной персоне и отрясет с ног мой прах. Это еще хуже, чем в тот день, когда я тайком позаимствовала ее белое платье от Элис Темперли и опрокинула на него бутылку красного вина. Я не только испортила свадебное торжество, но еще и заняла все место в колонке светских сплетен!

– Здорово сказано, да? – спрашивает Сэм, сидя в углу дивана. Она не смотрит на меня, потому что пытается заплести волосы в сотню маленьких косичек. Этот процесс занимает несколько часов, а я вынуждена терпеливо держать резинки и бусины и скучать. Я уже знаю, сколько листочков у домашних растений.

– Тебе хорошо говорить! – Уязвленная недостатком сочувствия, я не замечаю протянутой в мою сторону косички. – Ты получила бесплатное развлечение, выпивку и еду. А я... – Я делаю драматическую паузу. – Я потеряла работу, семья не желает со мной разговаривать, а когда Аннабель прочитает «Дейли мейл», мне конец!

– Не исключаю, – соглашается Сэм. – Неужели ты в самом деле не подозревала, что Руперт собирается сделать предложение? Это же за километр было видно! Я уже собралась вешать объявление «Ищу соседа»!

Я не обращаю внимания на ее слова, прекрасно зная, что весьма немногие жители Тэпли захотят поселиться в доме, который насквозь провонял пачулями и в котором с потолка пачками свисают разнообразные Шивы и Браммы. И вообще только настоящий друг способен терпеть Мада, который заскакивает в гости в промежутках между разными акциями протеста.

– Я собиралась порвать с Рупертом! – гневно возражаю я. – Просто хотела выбрать подходящий момент! Я вовсе не хотела никого обижать!

– Да, и все-таки ты его опустила, – замечает Сэм. – Ты не просто обидела Руперта – теперь он выглядит полным идиотом, и об этом вдобавок написали в национальной прессе. По своей трусости ты только усугубила ситуацию.

– Знаю. – Я опускаю голову. В жизни не чувствовала себя такой несчастной и виноватой. Я еще даже не притронулась к огромной шоколадке, которую купила Сэм, чтобы подбодрить меня. Она изнывает в холодильнике. Воистину чудеса.

Остаток свадебного торжества превратился в сплошной кошмар, особенно потому что не было ни малейшей надежды хоть на какой-то светлый луч. Время как будто остановилось, когда Руперт преклонил колено передо мной, глядя снизу вверх и улыбаясь. Кольцо весело сияло на бархатной подушечке, и на мгновение я застыла, потрясенная. Мамины мечты оказались на расстоянии вытянутой руки. Вот он, шанс выйти из тени, стряхнуть пыль и паутину и последовать по стопам сестер к алтарю в церкви Святого Иуды в облаке белых кружев. Передо мной замелькали образы изящных загородных домов, поездок в «Харви Николз», новеньких машин и детей, одетых по последней моде. Все было рядом. Все, кроме одного.

Я мечтала не о том мужчине, который сейчас предлагал мне остаться с ним до конца дней. Не о Руперте. О нем мечтала моя мать.

– Я не могу... – прошептала я, и мои глаза наполнились слезами, когда я увидела боль на лице Руперта. – Я хотела сказать раньше... Знаю, я не должна была тянуть, но все время казалось, что момент неподходящий. Очень жаль, Руперт, но я не могу выйти за тебя замуж. Я тебя не люблю. Ты хороший человек, но я тебя не люблю. Прости, пожалуйста.

Гости ахнули от ужаса, от возмущения, а кое-кто – от удовольствия. Карие глаза Руперта стали подозрительно светлыми, когда он медленно поднялся на ноги и захлопнул футляр с кольцом. Он так побледнел, как будто вот-вот собирался упасть в обморок. А потом, совершенно в несвойственной ему манере, размахнулся и с грохотом сбросил со стола цветы, тарелки и бокалы с шампанским. Аннабель завизжала, гости испустили еще один изумленный возглас.

– Тебе жаль, Элли? – крикнул Руперт, и я съежилась, испугавшись его гнева и сознавая, что вполне заслужила бурю. – Ты не представляешь, как жаль мне!

Он швырнул в меня куском свадебного торта и поспешно вышел. Вдогонку побежал Марк. Мама истерически зарыдала, Аннабель сделалась блее платя, поднялся страшный шум. Свадебный торт стоимостью в пятьсот фунтов стекал с моей груди, и я ежилась под взглядами всех присутствующих. Раньше я не понимала, что значит «хочется провалиться сквозь землю», но в ту минуту мечтала именно об этом.

От воспоминания о пережитых ужасах у меня внутренности скручиваются узлом, и я нервно грызу ноготь.

– Перестань, – приказывает Сэм. – Прекрати хныкать и соберись. Ты сегодня встречаешься с мамой. Поэтому ступай приводить себя в порядок.

Я вжимаюсь еще глубже в диван и с преувеличенным интересом вперяюсь глазами в экран. Право же, я не могу никуда идти, пока не узнаю, удастся ли отважным покупателям привести в божеский вид полузаброшенное бунгало в Кенте.

– Позвони ей, Сэм, скажи, что я заболела. Я целую неделю буду мыть посуду. Даже почищу гриль. Сделаю что угодно. Только, пожалуйста, позвони маме за меня!

Я трепещу при одной мысли о встрече с матерью. В течение двух дней после свадьбы Аннабель мы разговаривали только по телефону, и я не прочь, чтобы так было и дальше.

– Ну вот, опять, – строго говорит Сэм. – Ты снова откладываешь на потом. Пора уже повзрослеть и не бегать от проблем, Эл. Ты должна ехать.

Она буквально приковывает меня к месту взглядом. Ее взгляды неизменно достигали цели на протяжении последних пятнадцати лет. Благодаря им Сэм получала доступ к моим домашним заданиям и новым шмоткам. Я даже согласилась терпеть в доме Мада.

– Ладно, уговорила. – Я неохотно сползаю с дивана, продолжая следить одним глазом за экраном, и ишу ботинки. – Я проглочу все оскорбления, какие получу в свой адрес. А потом вернусь домой, запрусь в спальне и буду сидеть там, пока в Тэпли не забудут этот кошмар.

Сэм перестает плести косички и изучает протертые мыски мокасин. Мне мерещится, или она действительно гадает, как бы словчить? Примерно так она себя ведет, угостившись без спросу моими хлопьями.

– Знаешь, – говорит она, – здесь может возникнуть небольшая проблемка, Эл.

– То есть? – уточняю я, надевая туфли на трехдюймовой платформе. Я непременно вывихну щиколотку, но лишние три дюйма роста того стоят.

– Э... я сдала твою комнату.

– Что? – восклицаю я и вскакиваю так быстро, что теряю равновесие и плюхаюсь обратно на диван, чуть не сбив пепельницу и полусъеденный бутерброд с тунцом. – Что-что ты сделала?!

– Сдала твою комнату. – На лице Сэм появляется упрямое выражение. – Я была уверена, что ты вот-вот переедешь к Руперту!

– Кто тебе сказал, что я собралась переезжать к Руперту?

– Аннабель и твоя мать. И сам Руперт, блин! Все об этом говорили!

– Но только не я!

– Я решила, что ты снова откладываешь, как всегда, – объясняет Сэм, в свете последних событий явно чувствуя себя правой. – Я боялась, что мне одной придется платить за квартиру целиком, и сдала комнату.

– Ну так откажи.

– Не могу.

– Кто это так важен для тебя, что ты готова выгнать на улицу лучшую подругу?

Ведь у нас столько общего! От любви к сидру до менструальных циклов в одни и те же дни.

– Учти, ты расстроишься, Элли, – пристыженно говорит Сэм. – Я сдала твою комнату Джею.

У меня отвисает челюсть. Джей, моя подростковая любовь? Джей, который сыграл такую подлую шутку на выпускном балу? Он здесь? В моем доме? В моей спальне? В пятнадцать лет я бы запрыгала от радости. А сейчас мне становится нехорошо.

– Он вернулся из Америки, и ему надо где-то пожить. Папа слишком занят своими бабами, чтобы думать о нас, вот я и предложила Джею остановиться здесь. Он бросил работу и порвал с девушкой, ему нужно немного отдохнуть. Он согласился помогать с акциями протеста. Я даже не думала, что ты останешься! – Сэм бросает плести косички и обнимает меня. – Не паникуй, мы что-нибудь придумаем.

Я стряхиваю ее руку.

– Он, конечно, не будет возражать против ночевки на кушетке, пока у него не заживет сердечная рана, – поспешно добавляет Сэм. – Не волнуйся, я не выброшу тебя на улицу.

– Да уж надеюсь!

– Но каково тебе будет жить с ним в одном доме после того как... э... ну ты поняла.

– Вообще-то это не моя проблема, – хладнокровно замечаю я. – Стели Джею на кушетке, развешивай его барахло, устраивай приветственную вечеринку, если угодно, но только не требуй, чтобы я была в восторге от твоего брата.

Выйдя на улицу, я сажусь за руль «Эстер», моей старой и не всегда верной машины.

Поездка через Тэпли быстрой не бывает. Мад и Сэм жалеют, что мне недостает «зеленого» энтузиазма, хотя и не отказываются залезть в это отвратительное, пылящее бензином чудовище, когда льет дождь. Но сейчас не тот случай, чтобы идти пешком. Бог с ним, со спасением зеленой планеты. Кому-то придется спасти Элли Эндрюс, если она опоздает. Тогда мама взбесится еще больше.

Ожидая на перекрестке, чтобы свернуть налево, на главную улицу, я ловлю себя на том, что думаю о Джене одновременно со страхом и радостным волнением, как ждут результатов теста на рак матки. Честно говоря, кресло гинеколога и холодные инструменты кажутся куда более приятной альтернативой, чем сосуществование с Джене в течение неопределенного времени. Я утешаюсь мыслью о том, что он наверняка изменился, пока жил в Америке. Сморщился от постоянного пребывания под озоновыми дырами и обзавелся огромным пузом, потому что все время лопал фастфуд. И потом, мне уже нечего бояться – что может быть страшнее пережитого в субботу? Жить в одном доме с человеком, которого я некогда любила, – такие пустяки. И вообще я взрослая женщина с университетским дипломом и кредитом в банке, а не какая-то прыщавая школьница.

И все-таки лучше подстричься и сделать эпиляцию, прежде чем возвращаться домой.

Я так внимательно рассматриваю кончики волос, что не замечаю чужую машину, припаркованную прямо перед кафе. Об опасной близости к хорошенькому «БМВ» с выдвигаемым верхом я узнаю, лишь когда слышу ужасный треск. Два бампера сливаются в страстном поцелуе.

– Блин!

Я нажимаю на тормоз, но босоножка на платформе соскальзывает на педаль газа, и «Эстер» оставляет хорошо заметную вмятину на блестящей красной машине.

– О черт!..

Наконец припарковавшись, я выключаю мотор и делаю глубокий вдох, а затем открываю бардачок, вышвыривая на пол журналы, обертки от шоколада и тампоны в поисках припрятанной сигареты. Закурив, я с наслаждением затягиваюсь. Потом разрываю пачку и, найдя в кучке барахла на приборной доске карандаш для бровей, пишу на картонке имя и номер телефона. Я с гордостью говорю себе, что какой-нибудь менее порядочный (хоть и богатенький) водитель просто смылся бы.

Однажды я попаду в рай.

Я подсовываю записку под «дворник» на ветровом стекле, молясь, чтобы хозяин «БМВ» не появился сию секунду. Назовите меня трусихой, но я предпочту оказаться на безопасном расстоянии, когда он обнаружит, что случилось с его замечательной машиной. Докурив, я захожу в кафе.

«Горячая булочка» – лучшее кафе в Тэпли, куда ходят посетители не из бедных. Из зала открывается вид на Темзу и на роскошные особняки на другом берегу, где живут бывшие «битлы» и всякие кинозвезды. Здесь красивые столики, хорошенькие официантки и оригинальная выпечка, которой можно наесться до отвала. Войдя и вдохнув насыщенный корицей воздух, я буквально чувствую, как на бедрах нарастает три дюйма жира. Хотя я очень люблю пастернаковый суп в «Синей луне», моя мать даже под угрозой смертной казни не станет есть, сидя рядом с людьми в толстых этнических свитерах и армейских ботинках.

Я открываю дверь и немедленно замечаю маму, которая сидит у окна, попивая чай и глядя на реку. Одного взгляда на ее суровый профиль достаточно, чтобы сердце ушло в пятки. Пускай внешне она похожа на среднестатистическую пожилую домохозяйку, но внутренний стержень у мамы из закаленной стали.

И сейчас я получу по полной программе.

– Ты курила, – с упреком замечает мама, когда мы целуемся. – Детка, зачем? Ты же знаешь, как это вредно.

– В последний раз. Я бросаю, – отвечаю я, скрестив за спиной пальцы, и сажусь на стул напротив.

Мама смотрит на меня так, будто сосет особенно кислую конфету, и яростно размешивает чай – он аж выплескивается на блюдечко.

Я готовлюсь к нотации. За много лет я их слышала предостаточно. «Почему ты не готовишься к экзаменам, почему не устроишься на приличную работу в папиной фирме?» – и так далее. А главное – «какой душка Руперт». Что ждет сегодня? Пока мама раздумывает, я тянусь за булочкой.

– Не смей! – приказывает мама. – Тебе в отличие от сестер нужно следить за весом.

Я роняю булочку, как раскаленный кирпич, и испускаю внутренний стон. Классика. «Ты не такая, как твои сестры». Пока мама произносит вступительную инвективу – со смаком, который обычно приберегают для шекспировских монологов, – я незаметно отключаюсь и разглядываю пару диких уток, которые весело плавают под мостом. Помню, как я стояла на этом самом мосту в школьной форме и подбадривала Джея, который греб вниз. Интересно, я хоть когда-нибудь перестану чувствовать себя неуклюжей смешной девчонкой? Я уже много лет как выросла, но упомянутая девчонка все время маячит где-то поблизости.

Наверное, ничего не изменится, даже если я похудею до размеров Кейт Мосс (вот это будет чудо так чудо).

– Ты совсем не такая, как твои сестры, – в тысячный раз вздыхает мама. – С ними никогда проблем не было.

Если бы она только знала правду! А правда заключается в том, что сестры гораздо лучше умели скрывать свои проступки и попросту водили ее за нос – то есть держали в неведении или откровенно ввали. Я слишком честна. Вот в чем проблема.

– Ну и что скажешь в свое оправдание? Ты хоть понимаешь, как неловко получилось? Ты отказала Руперту и совершенно испортила свадьбу. Аннабель страшно расстроилась, а меня еще в жизни так не унижали. А что касается бедной миссис Мур-Критчен, то она просто в бешенстве. Она уже купила комплект чемоданов от «Луи Вуттона» в качестве обручального подарка и спланировала вечеринку! Как, по-твоему, она теперь себя чувствует?

– А я? Никого не волнует, как я себя чувствую? – восклицаю я. Несколько посетителей поворачиваются в мою сторону, и я понижаю голос на несколько децибел. – Я не люблю Руперта, мама. Я думала, что между нами ничего серьезного. Он чересчур увлекся. Я как раз собиралась с ним порвать.

Мама хмурится:

– Но не порвала, Элли. Как типично для тебя... Ты думаешь, люди читают твои мысли. Поэтому ты влезаешь в одну неприятность за другой и каждый раз убегаешь от последствий. Однажды, девочка, придется отвечать за свои поступки. Ты вообще слушаешь?

– Конечно! – лгу я. Потом, решив, что нападение – лучшая защита, добавляю: – И потом, мама, ты как-то неправильно расставила приоритеты, по-моему. Ты моя мать и должна желать мне добра. Как ты можешь злиться на то, что я отказала мужчине, которого не люблю? Вместо того чтобы читать нотации, лучше утешь свою младшую дочь и вытри ей слезы. Я и так получила немного удовольствия от свадьбы Аннабель.

Мама никогда меня не понимала. То, что я живу иначе, чем сестры, смущает ее и приводит в ужас. Я до посинения могу объяснять, отчего хочу жить собственной жизнью, но она никогда не поймет, что, будучи независимой, я выгодно отличаюсь от сестер. Мама страшно обиделась, когда я сняла комнату у Сэм, вместе того чтобы жить с родителями. Еще сильнее она удивилась, когда я отказалась работать в папиной фирме и предпочла самостоятельно искать себе занятие. Она просто не в силах уразуметь, что я хочу быть собой, а не «младшей Эндрюс, которая совсем не похожа на сестер».

К моему ужасу, мама вытаскивает тонкий платочек и вытирает обведенные кругами глаза.

– Я правда желаю тебе добра, детка. Я мечтаю видеть младшую дочь замужней и счастливой. Я хочу, чтобы ты жила безбедно, а не прозябала в какой-то ободранной конуре, без работы и без денег, все время на нервах, все время одна. Руперт мог тебя осчастливить. Он вот-вот станет партнером в фирме. У него прекрасные перспективы.

Что это такое? Роман Джейн Остин? Сейчас мама превратится в мистера Коллинза и сделает мне предложение.

– Но я не люблю Руперта, – повторяю я. – Просто... ситуация слегка вышла из-под контроля. Он даже не предлагал обручиться! До субботы я понятия не имела, что он намерен вот так взять и вытащить кольцо! Не могла же я согласиться только для того, чтобы избавить семью от неловкого положения!

Мамино лицо говорит: да, именно так ты и должна была поступить.

– По крайней мере о свадьбе написали большую статью в «Мейл», – напоминаю я, пытаюсь смотреть на светлую сторону. – И потом мне нравится жить свободно и независимо.

– Все это, конечно, хорошо, но ты не молодеешь, Элли. И если только ты не подберешь какой-нибудь хороший лосьон, у тебя скоро появятся морщинки.

Я украдкой смотрю на свое отражение в блестящей чайной ложечке. Конечно, на моем веснушчатом лбу и впрямь есть пара задумчивых складок, но, честно говоря, я удивляюсь, что их не десяток после пережитых-то ужасов.

– Ты никогда не встретишь приличного мужчину, если будешь ходить растрепой, – с обычным тактом поучает мама. – Женщина должна работать над собой, когда ей подходит под тридцать, Элли. Извлекай максимум из своей внешности, иначе не найдешь еще одного человека, готового на тебе жениться. Пожалуйста, отнесись к моим словам серьезно.

Я морщусь.

– Зачем спешить? Я пока что умирать не собираюсь.

Мама берет меня за руку.

– Ты – возможно, – шепотом отвечает она – так тихо, что приходится наклониться через стол, чтобы расслышать. Грудью я чуть не раздавливаю кремовое пирожное. – А вот насчет себя я не уверена...

Время внезапно останавливается, все вокруг становится очень резким и отчетливым. Река, текущая за окном, свисток чайника, позвякивание фарфора, который переставляет официантка. Пол подо мной как будто начинает двигаться.

В прошлом году у мамы обнаружили опухоль груди; перенесла операцию и курс лечения, она превратилась в тень, и мы с сестрами невообразимо перепугались. Слово «химиотерапия» до сих пор вгоняет меня в ледяной ужас.

– Но...

Она кивает, и ее глаза наполняются слезами. Мои тоже.

– Я не хотела никому говорить до свадьбы... но рак вернулся, и на сей раз опухоль растет. Онколог сказал, придется сделать двойную мастэктомию и снова пройти курс химиотерапии.

– О Господи!

– Только не паникуй, детка. Если сделать операцию, есть шанс наконец победить эту гадость навсегда, – твердо говорит мама. – Конечно, надо было подумать раньше, но мне не хватило смелости. Рак странным образом меняет человека, девочка. Начинаешь волноваться по пустякам, хочешь быть уверенной, что твои близкие здоровы и пристроены... просто на всякий случай...

Ее голос обрывается, и она принимается пить чай. Чашка громко стучит о блюдечко.

– Вот почему я мечтаю видеть вас окруженными любовью и заботой. Я не хочу с тревогой думать о том, что ты одинока. Я хочу знать, что с тобой все в порядке, и тогда я наконец успокоюсь – когда мои девочки будут счастливы. Я лежу ночами без сна, думая о семье, но больше всего я тревожусь о тебе, Элли...

Я чувствую угрызения совести. Какая я эгоистичная – думаю о разных пустяках вроде целлюлита и калорий, в то время как у мамы серьезные проблемы. Хотя держится она смело, в глазах я вижу страх.

– Я люблю тебя, Элли, – говорит мама, касаясь моей щеки. – Но я так беспокоюсь. Твоя жизнь – сплошные неприятности. И мне больно думать, что они будут продолжаться, когда меня не станет и я больше не смогу за тобой присматривать. Я хочу твердо знать, что ты счастлива. Когда ты выйдешь замуж за порядочного человека, я наконец вздохну с облегчением. Ну разве не приятно было бы устроить еще одну свадьбу? Тогда я бы перестала волноваться. Вот почему я так расстроилась из-за Руперта. Я ни о чем так не мечтаю, как о твоей свадьбе...

– Когда операция? – спрашиваю я, когда удается проглотить комок в горле размером с футбольный мяч.

Она жмет плечами. Мне кажется, или плечи у нее действительно похудели?

– Пока что мы не знаем... Консультант говорит, я еще недостаточно окрепла. Сначала нужно поднять уровень железа в крови, потом удалить опухоль... Мастэктомия – это последняя предосторожность. Надеюсь, она таки сработает.

Какой ужасный секрет. Как тяжело было маме делать вид, что все в порядке, и готовиться к свадьбе Аннабель с таким бременем на душе. И почему я такая эгоистка? По моей щеке скатывается слеза и падает на скатерть.

– Ну хватит. У нас получился слишком грустный разговор. И потом, я справлюсь. Лучше скажи, как ты намерена поступить с работой? – спрашивает мама, решительно меняя тему. – Насколько я понимаю, остаться у Руперта ты не можешь.

Думаю, это еще менее вероятно, чем поступление бен Ладена на службу в ФБР. Но наверное, сейчас не самое подходящее время говорить маме, что Сэм предложила мне место продавщицы в «Синей луне». Сомневаюсь, что мама сочтет приготовление пастернакового супа ощутимым карьерным ростом, хотя лично я не против. Сморгнув слезы, я решаю слегка прилгнуть.

– Руперт сказал, что больше не желает меня видеть. Не волнуйся, я что-нибудь придумаю.

– Называется, и зачем ты только получала образование! Ты ведь можешь много чем заняться, Элли! У папы такие связи в Сити. Пусть подыщет тебе подходящую работу. Пора уже найти что-нибудь приличное. Тогда ты наконец переедешь из этого ужасного дома.

Мысли о том, что следующие сорок лет придется толкаться в метро, дыша в чужие подмышки и проклиная соседей, достаточно, чтобы по спине побежали холодные мурашки. Неужели мама не понимает? Я не хочу так называемую приличную работу. Мне нравится работать в Тэпли, где я каждую собаку знаю. Притом очень приятно иметь такую работу, из-за которой не надо нервничать, когда идешь вечером домой. И я хочу и дальше жить с Сэм. Конечно, там бывает не прибрано, и в тех случаях, когда мама наносит визит, приходится буквально окуривать весь дом и прогонять Мада в паб, но зато у нас мирно и весело, чего отнюдь не могу сказать о родных пенатах. Самые важные годы развития я провела, стараясь не ходить грязными ногами по ковру и получая разносы за отпечатки пальцев на оконных стеклах.

– Вероятно, Эмили могла бы подыскать тебе местечко, – уверенно продолжает мама, как будто моя сестра работает кассиром в Национальном банке, а не всесильным трейдером в «Голдман Сакс».

Я морщусь. Природа наделила Эм и красотой, и мозгами. Вот уж кому досталось все полной мерой. Даже в детстве она уламывала меня брать у нее Барби в кредит. Разумеется, в промежутках между фотосессиями в детском модельном агентстве.

– Если Эмили – банкир, не факт, что я тоже справлюсь, – замечаю я. – Я провалила экзамен по математике, если помнишь.

– Какие мелочи! – отмахивается мама, как будто неумение считать отнюдь не помешает мне сделать блистательную карьеру в финансовом мире. – Ну а Люси? Пускай найдет тебе работу в журнале.

Люси, вторая по старшинству сестра, в юности была моделью и регулярно появлялась на страницах «Мари Клэр» и «Космо», а потом вышла за какое-то титулованное ничтожество и посвятила свой досуг исключительно визитам в салоны красоты и общению с такими же стильными мамочками. Единственная газета, в которую меня примут на работу, – это скорее всего «Большой вопрос»².

– Сомневаюсь, – отвечаю я. – Я слишком мелкая для модели.

² Газета, доход от продажи которой идет в помощь бездомным и социально незащищенным людям (в частности, бездомные продают газету на улицах и забирают себе половину выручки).

Мама кивает:

– О да. Как жаль, что Шарлотта и Аннабель не работают. Они бы непременно что-нибудь придумали.

Я давлюсь чаем. Она действительно так плохо знает собственных дочерей? Шарлотту волнуют только те живые существа, которые обладают копытами и гривой, а Аннабель после фиаско на свадьбе скорее выколет себе вилкой оба глаза, чем согласится помочь.

– Мы как-нибудь выкрутимся, – говорит мама, похлопывая меня по руке. – Не вечно же тебе выдаваться из ряда вон.

Когда у тебя четыре старшие сестры, которые похожи на ангелов Боттичелли, в то время как ты больше напоминаешь пухлого рембрандтовского херувима, твой удел – именно что выдаваться из ряда вон. Я старалась ни в чем не походить на сестер, потому что знала: нет никакого смысла с ними соперничать. Жить на съемной квартире, встречаться с мужчинами, которые – о ужас! – занимаются ручным трудом, и плевать на карьеру – вот мой способ бунтовать. Но сейчас меня посещает неприятное ощущение, что время свободы минуло.

Когда мама уходит, окутанная ароматом духов, я шагаю к «Эстер» и благодарю Бога за то, что «БМВ» уже нет на месте. Еще одной эмоциональной травмы я не выдержу. Стоя на обочине и энергично затягиваясь последней сигаретой, я клянусь фордовской эмблемой «Эстер», что найду подходящего мужчину и дам маме повод мной гордиться. Даже если это будет последнее, что я сделаю в жизни. Если я сосредоточусь на поисках подходящего мужа, то, возможно, избегну нервного срыва. Мои познания о раке весьма ограничены, но я хорошо знаю: я упаду и разрыдаюсь, если ничем не займу себя.

Итак, найти приличного мужчину, остепениться и сделать маму счастливой – вот три главных пункта в списке. И я твердо намерена их выполнить – в отличие от «выплатить кредит» и «записаться в тренажерку».

Впрочем, настроиться на нужный лад не так-то просто. Юристы не в моем вкусе; когда Руперт водил меня на корпоративные вечеринки, я от скуки лезла на стенку. Но сейчас дело уже не во мне. Я должна сделать маму счастливой. После всех неприятностей, которые я причинила, я обязана ей хотя бы этой малостью.

Я докуриваю сигарету. Последнюю. Изучаю свое отражение в ветровом стекле, рассматривая свежеприобретенные морщинки и отводя спутанные волосы со лба. В очередной раз махнув рукой на финансовые трудности, я решаю отправиться в парикмахерскую и купить какую-нибудь приличную одежду, подобающую Элли Эндрюс, которая намерена подцепить идеального мужчину и порадовать бедняжку маму.

По-моему, я заслужила поощрение в виде похода по магазинам.

– Ничего себе! – восклицает Поппи, помощница Сэм, когда через несколько часов я вхожу в «Синюю луну». – Ну-ка повернись!

Я послушно кружусь перед кассой, едва не свалив стойку с ароматическими свечами, и встряхиваю только что подстриженными волосами, как настоящая фотомоделка. Новая игристая прическа – до плеч длиной, волосы окрашены в яркий цвет красного дерева, в тон ресницам и бровям. Ноги гладенькие, как зеркало, а что касается линии бикини, то, будь это взлетно-посадочная полоса, пилотам уж точно понадобилось бы орлиное зрение.

– Черт возьми, – говорит Поппи. – Ну и кто он такой?

– Никто.

Я слегка раздосадована: ну и куда подевались феминистические чувства? Женщина, которая работает в магазинчике нью-эйдж и носит одежду от «Док Мартенс», должна жить в большей гармонии со своим внутренним «я».

– Одобряю, – произносит Поппи, заправляя длинные черные волосы за уши. – Решила после прошлой субботы сменить имидж? Кстати, клевый имбирный оттенок. Умно придумано – замаскироваться, чтобы друзья и родичи Руперта тебя не узнали.

– Это не имбирь, а каштан, – возражаю я.

– Тебе идет, – говорит Поппи, ныряя под прилавок. – Знаешь что? Хочешь, я разложу тебе таро? Посмотрим, не грядут ли перемены к лучшему.

Она вытаскивает потрепанную колоду карт и велит снять. Пока Поппи раскладывает карты, я грызу ногти и с тревогой думаю о маме.

– Ух ты! Ты только посмотри, Эл! – восклицает Поппи, тыча в вылинявшие карты тонкими пальцами. – Это – твое настоящее. В общем и целом – хаос, проблемы и метания.

– Ну надо же, – сухо замечаю я. – Есть какие-нибудь хорошие новости, или мне лучше прямо сейчас утопиться в котле с пастернаковым супом?

– Ты чересчур драматизируешь, – замечает Поппи. – Сейчас я посмотрю остальные карты. Не сомневаюсь, что тебя ждет лучезарное будущее.

Она переворачивает карты, смотрит на меня, снова на них и хмурится.

– Странно... Никогда ничего подобного не видела.

– Что там такое? Что странно?

– В твоём будущем – одни только мужчины. Буквально повсюду. Ну ты даешь! – Поппи хихикает. – Если верить картам, ближайшее будущее полно парней.

Я тарашусь на нее. Поскольку я совсем недавно поклялась найти себе идеального мужчину, чтобы мама могла мной гордиться, таро и впрямь сверхъестественная штука.

– Серьезно?

– Да! Вот три старших аркана, которые символизируют мужчин, имеющих влияние на твою жизнь. Одного из них опасайся, поскольку в его власти повредить тебе. Другой будет близким другом, которому ты сможешь доверять. А третий... – Поппи молчит и морщит лоб. – Честно говоря, не разберу. Он какой-то туманный.

Как типично! Почему ясновидцы всегда останавливаются на самом интересном месте?

– Хватит говорить загадками! Ну же! Кто они такие? – требую я. – Один из них – наверняка Руперт.

– Не знаю! Карты – это только символы. Не надо меня теревить.

– Чушь, а не символы, – бормочу я. Надо же, чуть не купилась.

– О-о, карты начинают обретать некий смысл. – Поппи поднимает глаза. – Эта, последняя, называется «Любовники» и означает брак. То есть ты выйдешь замуж. Причем тебя ждет любовь на всю жизнь. Блин, Элли, тот третий мужчина – твоя половинка!

– Правда? Как его зовут? – восклицаю я, немедленно позабыв о недавнем скепсисе. Если Поппи назовет мне имя идеального мужчины, выйти замуж станет намного проще, а мама просто запрыгает от счастья. Остается лишь надеяться, что Поппи увидела не Руперта. Не нужно никаких карт, чтобы догадаться, что он скажет, если я попрошу второго шанса. С другой стороны, если он действительно любит меня так сильно, как утверждает, то, возможно, охотно распахнет блудной Элли объятия. Разумеется, если Руперт действительно и есть любовь всей моей жизни...

Но Поппи смотрит на меня как на дуру.

– Я не могу назвать тебе имя! Как ты не понимаешь? Гадание на картах – неточная наука. Я даже не знаю, в каком порядке ты встретишь этих мужчин. Может быть, ты уже знакома со своей главной любовью, а может быть, вы столкнетесь завтра. Боже, как интересно! Я страшно хочу знать, кто он такой.

Мы смотрим друг на друга, крайне заинтригованные, и даже не замечаем мужчину, который поставил рюкзак возле полки с одеждой и терпеливо ждет, когда его обслужат.

Неужели карты не врут? Неужели моя жизнь вот-вот изменится?

Надеюсь, что так.

– Простите, что прерываю, – произносит низкий сексуальный голос, который отзывается у меня где-то внизу живота, – но я ищу Саманту Деламир. Она здесь?

При этих словах и звуке голоса, их произнесшего, мое сердце начинает биться так быстро, что вот-вот разорвется.

Я очень медленно поворачиваюсь, замечаю знакомую улыбку и враз чувствую себя пятнадцатилетней. Перевоплощение происходит быстрее, чем можно сосчитать до трех.

– Привет, Элли, – говорит Джей.

7.17

– Господи, ты до сих пор сидишь в халате! – восклицает Сэм, распахивая дверь и ставя поднос на столик рядом с кроватью. – Ты сейчас должна нежиться в ванне и потягивать шампанское!

Ее брови взмывают ввысь, когда она замечает, сколько я уже вылакала. Сэм поспешно забирает бутылку. Она очень серьезно относится к обязанностям подружки невесты и исполняет их по-военному четко, вкладывая не меньше сил, чем в свои демонстрации и марши протеста. Если уж Сэм взялась за дело, у меня нет иных вариантов, кроме как дойти до алтаря.

– Эй! – восклицаю я. – Отдай! Мне нужно выпить!

– По-моему, уже хватит, – твердо отвечает Сэм, выплескивая остатки в горшок с подсохшим цветком. – Нехорошо, если невеста будет шататься.

– Вряд ли я смогу пережить свадьбу в трезвом виде, – признаюсь я. – А вдруг я совершаю ошибку? Вдруг поступаю неправильно?

Но Сэм не намерена выслушивать мои жалобы. Она упирается руками в бедра и пристально смотрит на меня.

– Ни слова больше! Ты сама знаешь, что вы – идеальная пара. И все мы знаем.

Я снова беру альбом с фотографиями и принимаюсь листать его так быстро, что папиросная бумага шелестит, а картинки сливаются. Много изменилось с того солнечного дня, когда эти торжественные моменты были навсегда запечатлены фотографом. Одни люди живут дальше, как жили, другие успели влюбиться, третьи расстаться. Жизнь сложилась не так, как мы думали. Вдруг моя свадьба окажется ошибкой?

– Не распускай нюни, – предупреждает Сэм, когда я, с трудом ворочая языком, делюсь своими опасениями. – Жизнь никому не дает гарантией. В том-то и прелесть.

Вот в чем наше главное различие. Сэм обожает риск и перемены, тогда как я цепляюсь за прошлое, словно толстый неповоротливый моллюск за скалу, и тяну время, так что даже Гамлет покажется рядом со мной сущим живчиком. Просто чудо, что я вообще решилась выйти замуж.

Наверное, только потому, что влюбилась. По крайней мере надеюсь. Что бы это ни значило, как сказал старый добрый принц Чарльз.

– Съешь тост, чтобы немного протрезветь, – приказывает Сэм, плюхаясь на кровать и протягивая мне кусок хлеба. – Я нажарила целую прорву.

И она не шутит. Таким количеством можно прокормить наших космонавтов на Марсе. Интересно, сколько батончиков истратила Сэм?

– Ешь! – требует она, когда я беру тост.

Как только я подношу тост к губам, случается нечто очень странное. То, чего я ждала всю сознательную жизнь и о чем мечтала, боясь, что этого никогда не произойдет.

У меня пропадает аппетит. Тост не лезет в горло, прожевать его – не проще, чем отгрызть кусок от тумбочки. Мне вообще не хочется есть. Я ощущаю дурноту.

Прекрасно, самое время. Почему я не лишилась аппетита несколько месяцев назад, когда отчаянно пыталась сесть на диету, чтобы влезть в свадебное платье? Я ходила в оздоровительный клуб, свято соблюдала «овощные дни» и «рыбные дни» и съела столько обезжиренного сверхлегкого сыра, что просто каким-то чудом не замычала. Я питалась почти исключительно прозрачным супчиком, а от сельдерея у меня до сих пор челюсти сводит. В результате я похудела всего на фунт – наверное, не надо было съедать целую упаковку сливочного сыра за раз. И все-таки я продолжала сидеть на диете, поскольку не хотела идти к алтарю, будучи похожей на жабу в кружевах. Наконец я поняла, что не создана для оздоровительных клубов, когда на одном из собраний мы похлопали бедной заблудшей душе, которая с восторгом сообщила, что у нее сегодня великий день: она зашла в «Макдоналдс» и всего-навсего выпила диетическую колу. Я чуть не уронила челюсть в стакан с диетическим шоколадом. Великий день? Ужасный день!

Тогда я шикарным жестом бросила диету, ворвалась в ближайший «Макдоналдс» и слопала гигантскую порцию картошки фри, биг-мак и мороженое. Никогда еще вышеперечисленное не казалось таким вкусным. Потом я отправилась домой и провела восхитительный вечер с любимыми мужчинами – мистером Киплингом, Беном и Джерри³. Просто рай для языка. Ад для талии.

Но теперь, когда и впрямь нужно чем-нибудь разбавить вредоносный эффект шампанского, я не могу проглотить ни крошки. Я в такой панике, что не в состоянии есть.

Все гораздо хуже, чем я думала. Если я не хочу есть – значит, дело швах.

Сэм смотрит на часы:

– Так, сейчас я позвоню Поппи и выясню, где она застряла. Другие подружки появятся с минуты на минуту, потом приедут визажисты. Парикмахер придет в десять, поэтому пошевеливайся.

Пошевеливаться? Я словно прикована к постели. Честно говоря, хочется спрятаться под нее и исчезнуть. Я не испытывала такого ужаса даже в тот день, когда Сэм заставила меня посмотреть «Обливион».

– Съешь что-нибудь и прими ванну, – весело бросает Сэм. – Я ненадолго. Пойду проверю, положила ли я твой паспорт в сумку, чтобы сразу после церемонии вы могли ехать в свадебное путешествие. В нем твоя новая фамилия и все такое. Представляешь, завтра ты перестанешь быть Элли Эндрюс. Правда, круто?

Она уходит, бренча серебряными браслетами и предоставив мне в одиночку бороться с паникой, которая накатывает, как приливная волна. Если я перестану быть Элли Эндрюс, то кем же я буду? Чьей-то женой? Миссис такой-то? Миссис! Как старуха! Я еще недостаточно стара, чтобы называться миссис! Я до сих пор ношу розовое и покупаю школьные пеналы!

Кстати говоря, вот и мой школьный дневник – он торчит между книг на полке, и половина страниц вывалилась, потому что розовая блестящая обложка оторвана. Дневник, который я вела, когда...

Позабыв о волнении и несъеденных тостах, я вскакиваю с постели – точнее, сползаю, потому что не так-то легко прыгать в утягивающем белье, – и достаю дневник. Исписанные страницы рассыпаются, словно снег, и среди них – потрепанная открытка, на которой изображен красивый особняк. На обороте выцветшими чернилами выведены слова, когда-то столь дорогие: «Кажется, я влюбилась».

Я сжимаю открытку в дрожащих руках и закрываю глаза. Когда-то я действительно так думала...

³ «Мистер Киплинг» – фирма, выпускающая пирожные, «Бен и Джерри» – марка мороженого.

Я влюбилась

– Привет, Джей, – говорю я, что есть сил пытаюсь говорить неспешно и сексуально, но получается какой-то мышинный писк. Лихорадочно оглядев Джея в поисках признаков американского разложения, я разочаровываюсь. Где лысина и пивное брюшко? Где ужасные цветастые гавайские шорты и кеды с носками? Как он посмел вернуться таким красавцем? Никто не имеет права расхаживать столь загорелым и подтянутым.

И почему я решила начать новую жизнь только сегодня?

– Где Сэмми? – спрашивает Джей и дружелюбно облокачивается на прилавок, поигрывая бицепсами. Футболка кажется ослепительно белой на фоне золотистой кожи, не то что мой старенький анорак. От отчаяния хочется биться головой о стену. Даже стиральные машинки любят Джея, в то время как мои вещи они красят в розовый цвет, а носки пожирают.

– Сэм дома, – наконец выговариваю я.

Дыши, Элли, дыши. Тебе двадцать семь, а не пятнадцать. Держись. Не пялься на него, как будто он – Брэд Питт и Джонни Депп в одном лице. Не смей разглядывать острые скулы и блеск золотой сережки среди темных кудрявых волос.

– Ты проколол ухо?! – выпаливаю я.

Блин. Следующим заходом будет приглашение на выпускной бал.

Джей, видимо, слегка удивлен моей наблюдательностью.

– Я это сделал еще несколько лет назад, когда катался на серфе. Нравится?

Я рассматриваю потрепанные мыски собственных туфель, которые внезапно становятся самой интересной вещью на свете.

– Да, ничего, – мямлю я.

Умница, Элли, просто умница. Какими потрясающими навыками общения ты обзавелась за минувшие двенадцать лет. Он наверняка впечатлен.

Пока я пытаюсь вернуть себе контроль над рассудком и голосовыми связками, которые, видимо, решили удрать в самоволку, Поппи оценивает бесчисленные достоинства пришельца и игриво улыбается Джею. Я наблюдаю за ней одновременно с отчаянием и интересом; жертвами ее чар становились и не такие красавцы. Поппи коллекционирует мужчин столь же целеустремленно, как охотники на крупную дичь – тигриные шкуры. Но тут же я с облегчением замечаю, что Джей равнодушен к заигрываниям Поппи. Он улыбается и вновь поворачивается ко мне.

– Отлично выглядишь, Элли, – добродушно говорит он. – Сэм сказала, вы снимаете жилье пополам? Да как ты вообще выжила с моей сестрицей? Когда мы в последний раз жили в одном доме, она помешалась на грибах. Омлет с грибами, ризотто с грибами, грибной суп и так далее. Я чуть не помер, когда узнал, чем она удобряет свои чертовы грибы!

Я слишком хорошо помню этот эпизод – и содрогаюсь. Честное слово, я обеими руками за переработку отходов, но есть пищу, выросшую на мусоре, который Сэм и Мад с таким энтузиазмом пускают в оборот... короче говоря, у меня есть свои границы.

– Мы скоро закрываемся, – сообщает Поппи, бегая по магазину, задувая свечи и гася лавовые светильники. – Хорошо, что ты вообще нас застал.

– Я надеялся застать Сэм. – Джей беззастенчиво зевает, обнажая ровные, безупречно белые зубы. Да ладно, они никогда не были настолько идеальными. Ну и врун. Вставил себе американские зубы. Я немедленно захопываю собственный рот. Я, конечно, не Остин Пауэрс, но до совершенства мне далеко.

Джей проводит рукой по подбородку, поросшему темной щетиной, снова зевает и виновато улыбается:

– Простите, девочки, не сочтите за грубость, просто я дико устал. Летел из Бостона, ни поспать, ни помыться. Я страшный нахал... но, может быть, кто-нибудь меня подбросит к Сэм? Неохота тащиться с вещами пешком.

Я стою в благоговейном молчании перед человеком, который способен вынести долгий перелет без сна и при этом сохранить пристойный вид, не прибегая к макияжу. Джей как будто сошел с рекламы «Кельвин Кляйн». Минувшие двенадцать лет заметно его украсили. Каким образом я намерена сосуществовать с ним в одном доме? Не пора ли подыскивать новое жилье? Я всегда могу поселиться у родителей...

– Я не вожу, – с гордостью объявляет Поппи. – С меня хватает общественного транспорта и собственных ног. Я не хочу убивать нашу мать-землю.

Какой парадокс. Я часами катаю Поппи по магазинам на своей машине. Она просто никогда не училась водить. С какой стати, если вокруг достаточно простаков, которые охотно выручат?

– Элли тебя подбросит, – радостно продолжает Поппи, которая просто счастлива запихнуть меня в вонючее механическое чудовище. – Тебе ведь так и так в ту сторону, Эл?

Я уже поняла, что сегодня у нас с «Эстер» неудачный день. Одной лишь мысли о том, что ехать домой предстоит в одной машине с Джейм, который водрузит свой обтянутый джинсами зад на обертки от шоколадок и старые журналы, достаточно, чтобы я вспотела. Я и в лучшие-то времена не способна сосредоточиться на дороге. А сегодня скорее всего в аварии погибнем мы оба.

Джей, слава Богу, не понимает, какой опасности подвергается. Он забрасывает рюкзак на плечи и подхватывает два огромных чемодана – легко, как перышко. Невозможно не заметить, как перекатываются бицепсы под футболкой.

– Чем раньше я доберусь до Сэм и залезу в холодный душ, тем лучше.

«Эстер» внутри больше напоминает мусорный бак, чем салон автомобиля. Я поспешно сбрасываю старые журналы и обертки с пассажирского кресла на пол.

– Ну, как поживаешь? – невинно спрашивает Джей, когда мы неторопливо выкруливаем на улицу. Он, конечно, просто пытается быть вежливым, но ничего себе начало. И как ответить? «Знаешь, Джей, в субботу я устроила скандал на звездной свадьбе»?

– По-разному, – уклончиво отвечаю я, переключая скорость. – Ничего особо интересного...

– А Сэм говорит другое. – Джей ухмыляется. – Отшить жениха в присутствии национальной прессы – это вам не баран чихнул!

Сэм!..

– Да уж, эмоции у тебя всегда бурлили! – Он хихикает.

Я мрачно смотрю на него, но, к сожалению, Джей сидит, закинув руки за голову, и футболка задирается, обнажая великолепно отработанный пресс и завитки черных волос, которые ведут к...

Господи. Надо успокоиться. Следи за дорогой, женщина! Не задави японских туристов, которые фотографируют мост, и не забывай, что твой собственный живот напоминает сырое тесто.

Я не свожу глаз с дороги. Не собираюсь обсуждать Руперта, мою последнюю по времени любовную проблему, с Джейм – моей любовной проблемой на все времена. Я уже собираюсь ответить какой-нибудь остроумной фразой, когда вдруг слышу легкий храп. Посмотрев вбок, я вижу, что Джей спит, опустив голову на грудь и закрыв глаза.

Я останавливаю машину и выключаю мотор. Руки болят, с такой силой я вцепилась в руль. Десятиминутная поездка получилась самой беспокойной в жизни. И как можно было в такое время спать? Особенно когда на переходе откуда-то выскочила бабка и чуть не села

«Эстер» на бампер. Она наверняка повинна в том, что у меня появились первые седые волосы.

Но вопреки всему на свете Джей крепко спит. Очень осторожно и тихо я поворачиваю голову, как натуралист, который заметил птичку необычной окраски. Я только секундомером посмотрю. Немножко ностальгии.

Я знаю, какого рода мужчины мне нравятся. Я пускала слюни по Джорджу Клуни, в Диснейленде однажды вцепилась в двойника Джека Воробья (лучше об этом не вспоминать) и отрывалась на девичнике у Аннабель, но, положив руку на сердце, скажу, что Джей заткнет за пояс любого. Густые черные волосы, квадратный подбородок, смеющиеся зеленые глаза, тело, ради которого стоит умереть... он и правда лучше всех. По крайней мере в пятнадцать лет у меня был хороший вкус. Лучше восхищаться тем, давним Джейем, чем узнать, что бог моих девичьих грез на самом деле странный тип, который носит нейлоновые рубашки. Двенадцать лет назад я умела выбирать.

– Прости, я, кажется, вырубился. – Джей улыбается, глядя из-под полуприкрытых век, и я виновато отвожу глаза.

– Приехали, – поспешно говорю я и вожусь с ремнем без-опасности, стараясь скрыть свое смущение от того, что меня застывали за разглядыванием. – Я страшно занята, а тебе, несомненно, хочется поскорее увидеть сестру...

Джей ухмыляется, но я не поддаюсь обаянию его зеленых глаз. Отныне он для меня не притягательнее вялой морковки.

Предоставив гостю тащить чемоданы по садовой дорожке, я вбегаю в дом, толкаю кухонную дверь... и чуть не получаю разрыв сердца от ужаса.

– О Господи! – восклицаю я, в страхе роняя ключи и сумочку.

В углу стоит человек без головы. Я буквально цепенею.

– Мрм... фр-р-рм... – произносит жуткий призрак, явно страдающий от адской муки. Потом появляется голова. – Все в порядке, блин, это я, – повторяет чудовище, и сквозь дебри спутанных волос я вижу носатую физиономию и безумные глаза Мада. Впрочем, я могла бы узнать его и по вечному запаху грязного тела. Вдобавок на кухне отвратительно воняет коноплей. – Сэм связала мне свитер из переработанной шерсти, – объясняет Мад, – но ворот слишком узкий. Пятнадцать минут натягивал, ё-моё. Мне идет?

– Раньше было лучше, – мрачно отвечаю я.

Мад с сомнением косится на меня. Он явно не знает, чего ждать.

– Не ворчи, – советует он.

Не обращая больше на него внимания, я открываю холодильник и извлекаю остатки шоколада. Всего два квадратика, вдобавок украшенные отпечатками, подозрительно похожими на следы зубов. Убью того, кто посягнул на мой шоколад. Если это Мад, да поможет ему Бог. Довольно и того, что он окопался в доме. Поедание моего шоколада карается смертью.

– Привет, Элли, спасибо, что подвезла Джей! – На кухню врывается Сэм, встряхивая бесчисленными косичками, и падает в объятия Мада. Следом бежит грязная борзая, за которой тащится обрывок веревки. Псина то и дело останавливается, чтобы почесаться. Я отштыгиваюсь, миготнув лишившись аппетита. С них станется скормить мой шоколад собаке.

– Рада помочь, – мрачно отзывается я, но Сэм слишком занята поцелуями с Мадом, чтобы обратить внимание на мои слова. Больно видеть, как она выказывает столь откровенное презрение к гигиене, поэтому я выхожу из кухни и шагаю в спальню. Узкий коридор и так уже забит грязным барахлом Мада, и теперь к этой куче добавляются чемоданы Джейа. Даже Виктории Бэкхем пришлось бы похудеть, чтобы протиснуться.

И вдобавок Джейа загромождает проход.

– Извини, – бормочу я.

– Мне некуда деться, – логично замечает Джей. – Я стою тут уже пять минут, пытаюсь понять, за что взялся сначала. Раскладывать вещи – это похлеще шахмат. Может, я вдохну, чтоб ты пролезла?

Вдохнет? Он намекает, что я толстая? Я втягиваю живот, но протиснуться мимо, не коснувшись его великолепного торса, не так легко, как кажется.

– Когда я приезжал в последний раз, мы почти не виделись, – весело говорит Джей. Руками он упирается в стенку по обе стороны от меня, чтобы не потерять равновесие и не своротить велосипед.

– Я очень-очень занята, – вру я. В моем расписании больше дыр, чем в швейцарском сыре. Когда Джей приезжал в гости, я спряталась у сестры Шарлотты. И поскольку лучше гулять с крокодилем, чем сидеть с ее злокозненными близнецами, вы представляете, как мне хотелось избежать встречи с Джейм.

– Не сомневаюсь. – Он кивает. – Ты даже не смогла поужинать с нами в тот вечер, когда я уезжал. Я страшно жалел. Сэм говорит, ты прямо-таки кружишься в вихре светских удовольствий.

В моей жизни наличествует разве что кружение белья за дверцей стиральной машины, и я мысленно благодарю Сэм. Иногда друзья лучше родственников.

– Да уж, – соглашаюсь я.

– Так, может быть, поужинаем сегодня? – предлагает Джей. – Не знаю, как насчет тебя, но лично я думаю, что лучше оставить морковное карри Сэм и Маду.

Он прав. Сэм приготовила карри, которое светится в темноте, и я даже не хочу думать, что она в него положила. И о том, что будет на следующий день...

Я балансирую на грани. Джей, несомненно, привлекателен. Хорошая работа (которую он бросил), хорошие связи...

Может быть, пора приступить к осуществлению плана «Найди себе подходящего мужчину»?

Я испытываю нешуточное искушение.

– Поехали в «Особняк». – Джей поднимает бровь и одаряет меня сексуальной улыбкой. – Обещаю, что на сей раз не подведу!

Воспоминания оживают, и мое лицо вспыхивает.

– Спасибо, что напомнил.

– Я вообще-то пытаюсь искупить свою вину. Я просто пошутил.

В горле стоит огромный комок. Почему я до сих пор, столько лет спустя, чувствую себя униженной? Стоя здесь, в загроможденном коридоре, я снова становлюсь пятнадцатилетней, и в моих ушах звенит издевательский смех одноклассников.

– Ну что я могу сказать? Я тогда был еще мальчишка, – говорит Джей, с каждым словом вонзая нож все глубже. – И я в самом деле хочу пригласить тебя на ужин. Будет очень приятно посидеть и поболтать.

– Я не хочу есть, – отвечаю я, и именно в эту секунду мой желудок издает громоподобное урчание.

– Да уж, слышу, – замечает Джей. – Слушай, Эл, незачем ворошить прошлое. Согласен, я вел себя как идиот, и поверь, я вовсе не горжусь тем, что сделал, но я был просто глупым подростком. Давай наконец перестанем враждовать. Иначе нам будет чертовски неприятно жить в одном доме несколько месяцев.

Месяцев? Кто сказал «месяцев»?

– Я буду платить Сэм за жилье, честное слово, – обещает Джей. – И спать на кушетке. Я понятия не имел, что ты еще не переехала, так что, разумеется, твоя комната останется за тобой.

Я чувствую укол совести. Если бы я сказала Сэм правду об отношениях с Рупертом, то не оказалась бы в такой ситуации. И все-таки я еще не готова простить Джея за то, что он напомнил мне о давнем унижении. Пускай, как он и сказал, прошло много лет, но я помню о своем позоре на балу, как будто пережила его вчера. Но по крайней мере я намерена говорить с Джем как взрослая, пусть даже в душе по-прежнему чувствую себя пятнадцатилетней.

– Джей, у меня был трудный день. Мама нездорова, а я еще не оправилась после свадьбы Аннабель. Я не в настроении общаться, поэтому не принимай на свой счет. И пожалуйста, пропусти.

Я по-прежнему стою, зажата между стеной и его грудью.

Соски твердеют против воли.

Предатели!

Джей хмурится, и я невольно отмечаю, что ему даже морщинки на лбу идут.

– Даже не знаю, что я могу сказать или сделать, чтобы ты перестала сердиться. Я поступил глупо, даже жестоко, но ты ведь знаешь, что такое мальчишки. Они пойдут на что угодно, лишь бы не ударить лицом в грязь перед друзьями. Я сожалею, что вел себя как полный придурок, но мне было всего восемнадцать.

– Забудь, – устало говорю я. – Как ты и сказал, незачем ворошить прошлое. А теперь можно я наконец пройду?

Джей перестает упираться руками в стенку. При этом он не сводит глаз с моей груди. Я жалею, что надела белую футболку. Потом он смотрит мне в глаза и отводит взгляд.

– Ладно. Я в любом случае честно попытался.

Джей уходит в гостиную, а я уже собираюсь скрыться в спальне, когда Сэм кричит из кухни, что на автоответчике меня ждут два сообщения.

– Одно от твоей сестры Люси, – добавляет она. – Кажется, она хочет, чтобы ты немедленно перезвонила.

Я со стоном возвращаюсь на кухню, вооружившись огромной кружкой белого вина и пригоршней овсяного печенья. Когда Люси звонит, ей всегда что-нибудь нужно. Как правило, бесплатная нянька для детей. В детстве она была точно такой же: я убирала за ее кроликами, чтобы она позволила мне взять щипцы для волос. Кролики воняли, но я предпочитала чистить клетку, нежели платить заоблачную сумму, которую Эмили требовала за пользование своими вещами.

– У вас два сообщения, – скучающим тоном заявляет автоответчик, пока я жую печенье и обещаю себе завтра сходить на аэробiku. – Привет, Элли. Это Люси. Я просто хочу уточнить, можешь ли ты сегодня посидеть с детьми. Ты ведь придешь, да? Потому что у Консуэлы выходной, а Генри везет меня в ресторан, и я не собираюсь отменять заказанный столик. Ровно в семь, пожалуйста, и не забудь снять обувь в прихожей, в прошлый раз мы неделю не могли отчистить грязь с ковра. – Люси замолкает и добавляет после паузы: – Э... надеюсь, ты уже оправилась после субботы. Ну и скандал получился. Значит, в семь.

Вот чего мне не доставало. Провести вечер с отвратительной Имоджин и не менее гнусным Джорджем, вытирать им носы и прочие части тел. Я подбадриваю себя мыслью о том, что можно разграбить холодильник, набитый отменной пищей, и испробовать сестрину косметику, которой хватит на целый склад.

Вдобавок я проведу вечер вдали от Джея.

– Сообщение получено в четыре часа тридцать семь минут, – продолжает автоответчик, когда я беру следующий пакетик печенья. – Здравствуйте, Элли Эндрюс.

Я замираю, не донеся печенье до рта. Этот голос настолько сексуален, что я слабею, заслышав его.

– Меня зовут Маркус Лейси. Если не ошибаюсь, вчера вечером вы стукнули мою машину. Давайте встретимся и обсудим ущерб. Свяжитесь со мной по мобильнику...

Поверить не могу! Вот идеальный зять для мамы. Вежливый, с подходящим именем и красивой машиной. Которую я, к сожалению, стукнула. Но кажется, он не особенно разозлился. Видимо, оценил мою честность. Перезвоню ему от Люси. Несколько бокалов дорогого вина – и я преисполнюсь решимости и буду готова иметь дело с мистером Лейси. Я впитаю ее самоуверенность и хладнокровие.

Или напьюсь в хлам.

– Как по-вашему, у меня в них большая задница? – спрашиваю я, вытягивая шею, чтобы получше обозреть себя в старинном зеркале. Выискивая у себя целлюлит и жировые отложения, я частенько принимаю позы, которых тщетно добивались от меня мои бойфренды. Я провожу руками по мягкой коже джинсов от «Версаче» и втягиваю живот. Как несправедливо: Люси дважды рожала, но по-прежнему влезает в десятый размер. Замужним женщинам прямо-таки нужно запретить быть стройнее, чем их пухлые и по-прежнему одинокие сестры.

Имоджин наблюдает за мной, сидя среди подушек на огромной постели.

– Ну? – повторяю я. – У меня в них большая задница?

Племянница задумчиво сосет шоколадную конфету. Ее рот кажется маленьким красным кружком на фоне перепачканного шоколадом лица.

– Нет.

Вот умница. Наконец-то я получила награду за то, что столько лет с ней нянчилась.

– Она просто огромная, тетя Элли. Огромная и толстая, как у бегемота!

Имоджин визжит от смеха и падает лицом в подушки. Не знаю, что ужаснее – то, что четырехлетняя поганка сравнила меня с бегемотом или что придется объяснять Люси, отчего белое постельное белье сплошь в пятнах шоколада. Имоджин уже давным-давно пора спать, и одному Господу ведомо, куда девался Джордж. Не исключено, что грабит какую-нибудь старушку в переулке.

Через час я сворачиваюсь на кушетке с пультом от огромного плазменного телевизора в одной руке и большим бокалом кьянти в другой. Рядом – груда глянцевого журналов высотой с Эверест. Из тех, что стоят, как крыло от самолета. Я листаю журналы и погружаюсь в еще большее уныние, когда вижу Аннабель, которая улыбается, стоя рядом с Лорой Бейли на какой-то гламурной вечеринке. Как обычно. Я достаю из холодильника кусок пирога, чтобы подбодриться, но, как ни странно, сладкое не помогает, хотя некогда я уплела целый торт потому лишь, что Джей посмеялся над моими скобками на зубах. Я задумываюсь, не запустить ли тортом ему в физиономию, но тут же отгоняю эту мысль, поскольку немедленно начинаю представлять, как слизываю сладкий крем с его роскошного тела.

Чтобы отвлечься от мрачных дум, я решаю позвонить Маркусу Лейси. Беру телефон и набираю номер, который записала на руке.

– Маркус Лейси слушает.

Уму непостижимо. У него такой сексуальный голос. Слава Богу, что он на другом конце провода. Гормоны у меня сегодня и впрямь разбушевались.

– Здравствуйте. Это Элли Эндрюс. Э... которая стукнула сегодня в Тэпли вашу машину.

– Стукнули? – удивленно уточняет Маркус Лейси. – Да она выглядит так, будто вы в ней слетели в кювет!

– Мне очень, очень жаль, – поспешно говорю я. – Я готова полностью возместить ущерб.

Маркус Лейси смеется.

– Вы хоть представляете себе, в какую сумму это обойдется, мисс Эндрюс? По-моему, будет гораздо лучше, если мы предоставим улаживать дело нашим страховым компаниям. – Он понижает голос. – На самом деле машина служебная. Скорее всего у вас проблем не будет,

и я получу ремонт по страховке. Я просто хотел сказать, что ценю вашу честность. Большинство людей просто сбежали бы с места происшествия. Предлагаю встретиться лично и обсудить некоторые детали.

Я слышу, как шелестят страницы, когда он листает ежедневник.

– Когда вы свободны?

– Когда угодно! – восклицаю я и тут же прикусываю язык. Теперь он подумает, что я отщепенка, у которой нет друзей и ни одной записи в ежедневнике. – То есть... когда угодно на этой неделе, – поспешно оговариваюсь я, шумно листая «Мари Клэр» для пушного эффекта.

– Может быть, увидимся завтра за ленчем?

Я медлю, притворяясь, что мне еще нужно подумать, прежде чем вписать встречу с Маркусом Лейси в мое насыщенное расписание, и наконец сообщаю:

– Да, кажется, завтра я могу выкроить часок.

– Я заеду за вами в полдень. Давайте перекусим в «Кливдене», если вы не против.

Разумеется, не против! Я с трудом сдерживаю радостное волнение. Он только что позвал меня в один из самых дорогих ресторанов!

– Отличная идея, – любезно говорю я. – Значит, до завтра.

Я отключаюсь, считаю до пяти и издаю вопль радости. Будь я Имоджин, я бы описалась от восторга, но, поскольку мне двадцать семь, я поступаю как взрослый человек и наливаю еще один бокал вина.

Свидание вслепую

– Ты с ума сошла? – интересуется Сэм, когда я рассказываю ей о предстоящей встрече с загадочным Маркусом Лейси. – Ты его даже не знаешь!

Я жму плечами:

– Столько людей ходят на свидания, познакомившись в Интернете. Какая разница?

– Если тебе не с кем пойти на свидание, могла бы об этом сказать. У нас с Мадом уйма друзей, которые просто мечтают с тобой встречаться.

Поскольку у всех друзей Сэм обилие пирсинга и врожденное отвращение к мытью, я думаю, недостаток энтузиазма с моей стороны вполне извинителен.

– Ты ведь сама сказала после истории с Рупертом, что мне нужно отвлечься, – напоминаю я. – И потом, каким образом закатить свадьбу, о которой мечтает моя мать, если ни с кем не встречаться?

Пока Сэм раздумывает, как бы убедить меня отказаться от свидания, я вновь принимаюсь рассматривать грудку одежды, которая валяется на постели. В том числе – облегающие брюки, которые я стащила у Люси, некоторое количество моих собственных нарядов (на два-три размера больше), платье, которое я позаимствовала у Эмили и позабыла вернуть, и даже несколько юбок в этническом стиле. В припадке отчаяния я перерыла все шкафы, к которым имела доступ. На свидании с Маркусом надо выглядеть как следует. Успех сегодняшнего свидания и мамино счастье, возможно, зависят от того, что я надену. Но, перепробовав около двадцати комбинаций, я отчаялась.

Я каким-то чудом втиснулась в зеленое платье Люси. Поворачиваясь перед зеркалом, я удивляюсь, какие чудеса творит с фигурой утягивающее белье. Да, да, я чувствую себя как перепиленная пополам, и декольте у меня точь-в-точь со страницы «Плейбоя», но все-таки я натянула хоть какой-то сестрин наряд и испытываю потому огромное удовольствие. Я что есть сил втягиваю живот и изгибаюсь, чтобы посмотреть сзади. Слова Имоджин до сих пор уязвляют мое самолюбие.

– У меня правда большая задница?

Сэм сжимает рот в куриную гузку.

– Господи, Элли. Ты что, правда не понимаешь? Ты даже не знакома с этим человеком, но тем не менее готова встретиться с ним наедине? Так нельзя.

– Чем хуже обыкновенного свидания вслепую? – возражаю я, расправляя зеленую ткань на заднице и пытаюсь понять, просвечивают трусы или нет. – И потом, ты сама устроила мне несколько слепых свиданий до того, как я повстречала Руперта. В чем разница?

У Сэм хватает такта слегка устыдиться. Как большинство людей, у которых счастливый роман, она с упорством религиозного фанатика пытается пристроить своих одиноких подруг. Пришлось демонстративно сложить вещи в чемодан, чтобы она поняла намек и оставила меня в покое.

– Я всего лишь следую твоему совету, – лицемерно замечаю я. – Мирозданию надо дать шанс. Помнишь, ты цитировала из «Секрета».

– Да, и ты сказала: «Какая чушь!»! Не пудри мне мозги. Ты согласилась только потому, что Маркус позвал тебя в «Кливден».

– По крайней мере я умру на сытый желудок и в роскошной обстановке, – говорю я. – Перестань волноваться. Запиши номер его машины, а я позвоню, как только мы приедем в ресторан. Все будет в порядке.

– Никакого ресторана! У тебя сегодня вечером смена в «Синей луне», ты разве забыла? – спрашивает Сэм, разыгрывая последний козырь.

– «Синяя луна» или шикарный ленч? – Я расставляю руки, изображая весы. – Ммм... шикарный ленч перевешивает. И к тому же ты просто обязана дать мне отгул за то, что пустила в дом сама знаешь кого.

– Кого? Мада? Джея?

– Да! – Торжествуя, я наношу последний удар. – Считаю, тебе повезло, что я не требую оплачиваемый отпуск.

– Не грози, – предостерегает Сэм, плюхаясь на кровать и опираясь подбородком на руки. Я не видела ее такой встревоженной с тех пор, как бросила вегетарианство и съела сэндвич с беконом, тщетно надеясь сохранить тайну. «Чтобы получился бекон, свинья должна была умереть, Элли».

– Перестань, – говорю я. – Один маленький отгул. И я больше никогда, никогда не стану жаловаться, что Мад оставляет крышку унитаза поднятой.

– Договорились. Правда, Мад сейчас пользуется экологическим туалетом в садовом домике, – напоминает Сэм. – И Поппи, наверное, тоже не против немного подзаработать. Но учти, Элли, бесплатный сыр только в мышеловке. Что Маркус потребует в уплату за ленч?

– Надеюсь, что секс.

Я решаю-таки надеть зеленое платье.

Сэм бурно вздыхает.

– По-моему, ты чокнулась, – заявляет она, когда мы спускаемся по лестнице на кухню. – Зачем встречаться непонятно с кем? У тебя был Руперт, который идеально подходил во всех отношениях. Будь я свободна, я бы сама за него ухватилась.

Заглянув в берлогу, которая в доме на Шекспир-авеню играет роль гостиной, я вижу Мада, который сидит, задрав ноги в армейских ботинках на кофейный столик. Он уже несколько часов торчит перед телевизором, а потому окружен мусором. Но даже погребенный под грудой пустых пивных банок и коробок из-под пиццы, он остается крайне непривлекательным. Нос и глаза едва виднеются из-под дредов, больше всего Мад похож на пастушью овчарку. Взгляд у него, как у человека, который только что сошел с «американских горок» и еще не успел очухаться. Неудивительно, что Сэм хотя бы теоретически помышляет о Руперте. Содрогнувшись, я иду за подругой на кухню.

– И вообще, – задумчиво продолжает Сэм, выуживая грязную чашку из-под груды немой посуды, – паниковать еще рано. Ты – одна из сестер Эндрюс. Держу пари, сотни титулованных особ просто мечтают с тобой познакомиться.

– В том-то и проблема! – восклицаю я. – Остальные сестры Эндрюс такие красотки, что любой бедолага, который на семейных торжествах вынужден довольствоваться мной, выглядит страшно несчастным!

Но Сэм не слушает; она слишком занята тем, что осматривает шерсть грязной борзой, которую Мад подобрал на улице Манчестера, куда ездил для участия в очередном экологическом марше протеста. Я люблю собак, но конкретно этот образчик – кажется, единственный, у которого я не нахожу никаких приятных черт. Мерзкая псина попрошайничает, ворует и непрерывно портит воздух.

– Кажется, у Серендипити блохи, – замечает Сэм, давя что-то ногтями.

– Серендипити?...

Псина обреченно смотрит на меня.

– Отличное имя, очень ей идет. У, милашка! – Сэм чмокает собаку в нос, и у той делается еще более томный вид. Похоже, она предпочла бы, чтобы ее оставили мирно бродить по манчестерским улицам.

– Что ты делаешь, Сэм? – Джей врывается на кухню с полной охапкой магазинных пакетов. – Ты уже не надеешься, что Мад превратится в прекрасного принца? Потому что в гостиной я по-прежнему наблюдаю лягушку...

Едва Сэм открывает рот, чтобы ответить, как возле дома останавливается большой черный «ягуар» и громко гудит.

– Это Маркус! – взвизгиваю я. – Так, последний раз спрашиваю: как выглядит моя задница?

Сэм приобнимает меня:

– Отлично! Правда, Джей?

Тот, стоя в дверях, улыбается – медленно и одобрительно. Я бы покраснела, не будь он моим соседом по дому. И вообще, он ведь мне ни капли не нравится.

– Она просто прелесть, – отвечает Джей, не отводя глаз. – Ты что, куда-то собралась, Элли? А я хотел угостить вас всех ленчем.

В обычной ситуации только смерть разлучила бы меня с продуктами, купленными в «Маркс и Спенсер», но сегодня – совсем другое дело.

– У Элли свидание с таинственным незнакомцем, – объясняет Сэм и принимается рассказывать, пока я мечусь по комнате как ошпаренная в поисках сумочки. Машина сигналист снова, я выскакиваю в коридор и впопыхах врезаюсь в Джея, так что покупки разлетаются в разные стороны.

– Извини! – выпаливаю я, подбирая с пола кусок сыра.

Джей кладет руки мне на плечи. Он так близко, что я чувствую острый, пряный запах лосьона. В темных глазах, обрамленных густыми ресницами, я вижу собственное миниатюрное отражение. В том числе чересчур бледные ноги.

– Эл, скажи, ты правда намерена сесть в машину к совершенно незнакомому человеку?

Прекрасно. Он не провел в доме и пяти минут, а уже устанавливает свои порядки.

– Конечно, – с достоинством отвечаю я. По крайней мере насколько способна ответить с достоинством девушка, которая сидит на полу, так что ее труссы видны всем желающим. – Более того, жду с нетерпением.

Джей качает головой:

– По-моему, это небезопасно. Тем более что ты раньше никогда его не видела.

Снова гудок.

– Может быть, одному из нас лучше поехать с тобой? – предлагает Джей. Он, кажется, встревожен.

При одной мысли о надзоре меня охватывает ужас.

– Разумеется, я не предлагаю сопровождать тебя на свидании, – поспешно добавляет Джей. – Но я могу посидеть в баре. Просто безопасности ради. Боюсь, ехать одной – не лучшая идея.

– Да не бойтесь вы, – заявляю я. – У Сэм есть мой телефон, и она запишет номер машины Маркуса. И потом сейчас белый день. Лично я думаю, что ровным счетом никакой опасности нет.

Джей жмет плечами:

– Ну, если ты так уверена. Идея мне все-таки не очень нравится, но в конце концов, что я знаю о свиданиях?

Произнеся эту загадочную фразу, он выходит в коридор с остатками покупок.

– И что он хотел сказать? – спрашиваю я у Сэм. – Он опять намекнул на выпускной бал?

Она морщится:

– Когда, блин, прекратится твоя паранойя? ... Мир не вращается исключительно вокруг тебя, Элли! Джей переживает, потому что его бросила девушка. Езжай и развлекайся, а мы тут как-нибудь разберемся. Только не забудь хотя бы кинуть сообщение, договорились?

Я киваю и подхватываю сумочку. Сэм открывает дверь, и я оказываюсь на улице. Солнце светит в лицо, уши наполняет шум машин. Глубоко дыша и втягивая живот, я дергаю за ручку и осторожно забираюсь в красивый автомобиль.

– Здравствуйте, Элли. – Водитель поворачивается ко мне и протягивает руку с безупречным маникюром. Я зачарована гладкой кожей и идеально ухоженными ногтями. Мои собственные ногти выглядят как у школьницы, они обгрызены и покрыты ярким лаком. Возможно, я ошиблась, когда решила покрасить их в зеленый, в тон платью. Впрочем, уже слишком поздно беспокоиться.

Мы жмем друг другу руки.

– Я Маркус.

Я намереваюсь ответить остроумной репликой, но вместо этого на моем лице появляется идиотское выражение, потому что Маркус Лейси сногшибательно красив. Никогда в жизни ничего подобного не видела, только в журналах или на большом экране, обедаясь до отвала поп-корном и обещая самой себе сесть на диету завтра же. У него коротко стриженные темные волосы, скулы, похожие на горнолыжные склоны, гладкая кожа. Маркус снимает очки и устремляет на меня взгляд серых глаз, обрамленных густыми ресницами.

О Господи. Кто-то нарядил Джонни Деппа в деловой костюм и посадил за руль «ягуара». Нужно чаще попадать в аварии, если результат всякий раз будет именно таков.

– Хорошо, что вы выкроили время, – говорит Маркус. – Я сомневался, что вы придете.

– Обычно я не сажусь в машины к незнакомцам, – замечаю я, как только обретаю дар речи. – И моя лучшая подруга пыталась меня отговорить.

Маркус приподнимает одну бровь, точь-в-точь как Роджер Мур. Я мысленно решаю выработать такой же жест у себя.

– Но я, пожалуй, не то чтобы абсолютный незнакомец, – с улыбкой замечает Маркус.

Он и впрямь выглядит очень знакомо, и я исследую туманные глубины памяти в отчаянной попытке его припомнить. Может быть, он приятель Руперта? Или я видела Маркуса в «Тэтлере», когда мама в последний раз просматривала журналы в поисках подходящих холостяков? Но, как бы я ни пыталась, я не в силах вспомнить, когда и где он встречался на моем жизненном пути.

Он вновь надевает темные очки, а я откидываюсь на спинку кремового кожаного сиденья, отчаянно стараясь не скрипеть обивкой. Контраст между ней и моими бедрами заставляет меня порадоваться, что я стянула у Люси тональный крем. Иного выбора, кроме как пойти на преступление, не было, потому что единственный способ обзавестись «загорелыми» ногами меньше чем за неделю и без унижений – это тоналка. Украдкой я изучаю свои ладони. Не слишком красные. Не считая красноречивых точек на запястьях. Я поспешно прячу руки.

– Наверное, вам это кажется очень странным, – добродушно произносит Маркус, сворачивая на Мейденхэд-роуд. – Вы стукнули мою машину, а я пригласил вас на ленч.

– Я не стукнула, – торопливо возражаю я. – Только слегка поцарапала... потому что солнце било в глаза.

Маркус смеется, и от этого низкого гортанного смеха я вся дрожу. Когда он откидывает голову назад, я невольно разглядываю его шею. Никакой темной щетины, как у Джея. Нет, я, разумеется, не думаю о Джее.

– Прошу прощения. Я хотел сказать, что вы случайно поцарапали мою машину, а я пригласил вас на ленч. В любом случае странно, не правда ли?

Он переключает скорость, и я пытаюсь отвести взгляд от смуглых сильных запястий под белоснежными манжетами рубашки. Держись, Элли. У тебя мысли, как у второсортной шлюхи.

– Мне очень неловко, но я должен сделать одно признание, – продолжает он, хотя при этом ничуть не кажется смущенным. Маркус обращает в мою сторону свои матовые глаза, и я слышу стук собственного сердца в ушах.

– Правда? И какое?

От волнения я пишу, как придушенный цыпленок. Мои ноги, которые покоятся на кожаной обивке, начинают потеть.

– Я с самого начала знал, кто вы такая, – говорит Маркус с улыбкой. – В прошлом году мы виделись на регате Хенли. Вы пришли с компанией Руперта Критчена, если не ошибаюсь.

Я напрягаю мозг, но, что неудивительно, припоминаю весьма немногое. Честно говоря, в памяти сохранилось лишь, как я пыталась втиснуться в платье Аннабель и чувствовала себя полной дурой в маленькой соломенной шляпке, в которой походила на девчонку, сбегавшую из монастырской школы. Смутно помню, как я пряталась от Руперта в шатре с закусками, несколько часов потягивала водку и шампанское и энергично отплясывала под звуки струнного квартета, а потом свалилась в лодку и отключилась.

Блин. Искренне надеюсь, в ту минуту Маркус меня не видел.

– Не помните? Неудивительно, – с улыбкой говорит он, и мне становится очень жарко. Значит, видел.

Я смотрю в окно и гадаю, сильно ли расшибусь, если выпрыгну на ходу. С героинями в кино в подобных случаях обычно ничего не случается. Но они не такие толстые. А я, наверное, отскочу от асфальта, как мячик.

– Впрочем, совсем недавно мы виделись еще раз, – продолжает Маркус. – Откройте бардачок. Там подсказка.

– Бардачок? – Я нервно вздрагиваю. Внутри наверняка окажется отрубленная голова, а потом Маркус отвезет меня в свое потайное логово, изрубит на куски и сошьет куртку из моей кожи, покрытой фальшивым загаром.

– Не бойтесь! Ну давайте я сам. – Держа руль одной рукой, он тянется через пассажирское кресло, чтобы открыть бардачок. Плечом он касается моей груди, и я чувствую несомненное вожделение. Как приятно! Все не воскресшая страсть к Джею превратила меня в тварь дрожащую. Я просто страдаю от недостатка секса в организме. Мы с Рупертом не то чтобы проявляли особую активность в постели. – Вспоминаете? – Маркус бросает что-то мне на колени и расплывается в ухмылке. А я не верю своим глазам.

Это туфли, в которых я была на свадьбе Аннабель. Слава Богу, с тех пор какая-то добрая душа их отчистила. Те самые туфли, которые, просвистев в воздухе, упали на колени ничего не подозревающего (и притом очень сексуального) незнакомца.

Блин.

– Прошу прощения. – Марк вытирает глаза под стеклами очков и, кажется, ничуть не сожалеет. – Я нехорошо пошутил, но, каюсь, просто не смог устоять.

– И поделом, – признаю я. – А я-то надеялась, что без персиковой тафты и свадебной прически меня не узнают.

– Даже не надейтесь. В любом случае позвольте побаловать вас вкусным ленчем в качестве компенсации за эту жестокую шутку.

Во время пятнадцатимильной поездки до «Кливдена» становится ясно, что Маркус Лейси не псих с топором, как предсказывала Сэм. Когда мы подъезжаем к красивым воротам отеля, то уже болтаем, как старые друзья. Я расслабляюсь, перестаю втягивать живот и сама начинаю смеяться над эпизодом с туфлями. И одновременно люблюсь, как напрягаются мышцы у Маркуса на бедрах, под кремовыми полотняными брюками, когда он переносит ногу с газа на тормоз.

Ладно, признаю. В итоге потребовалось пять секунд, чтобы я захотела оказаться с ним в постели.

Я безнадежный романтик, причем ключевое слово «безнадежный». Когда машина катит по длинной гравиевой дорожке, мимо роскошных лиловых рододендронов и укромных беседок, к изящному величественному зданию, я окончательно теряю голову. Происхо-

дящее похоже на волшебную сказку; сидя в машине, в красивом платье (чужом), я чувствую себя принцессой. В обычной жизни Элли – ничуть не похожая на прочих сестер Эндрюс – редко предается изысканным удовольствиям. Когда у женщины внешность кинозвезды, она вправе требовать соответствующего обращения. А я... в общем, я радуюсь, если удается занять столик в пиццерии.

Машина останавливается у входа в отель, и швейцар в ливрее возникает прямо из воздуха, чтобы помочь Маркусу припарковаться, проводить нас внутрь, забрать верхнюю одежду и усадить. Такое ощущение, что он и в уборную готов идти с нами. Маркус просовывает мою кисть себе под руку, обтянутую кремовым рукавом пиджака, и я морщусь при взгляде на собственные ярко-зеленые ногти. Если он их и замечает, то из вежливости молчит. Мы входим в прохладный вестибюль. Маркус весело болтает. Просто чудо, с каким почтением относятся к нему окружающие. Метрдотель даже называет Маркуса по имени. Я внимательно рассматриваю своего спутника по пути в шикарный зал, но по-прежнему недоумеваю. Мы с Поппи знаем всех голливудских красавчиков, и я не сомневаюсь, что Маркус – не киноактер. Сплошные загадки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.